

СОНА СКОФИЛД



ПЛЕННЫЙ ДРОУ

НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ ГОСПОЖОЙ

Сона Скофилд

**Пленный дроу. Не
называй меня госпожой**

«Автор»

2026

Скофилд С.

Пленный дроу. Не называй меня госпожой / С. Скофилд —
«Автор», 2026

Я приехала в Нордвейр за наследством. Получила древний замок, магический ключ и пленного дроу, прикованного к стене уже двенадцать лет. Каэл Нарис опасен, невероятно красив и ненавидит своих хозяев. Теперь его госпожа — я. Одного приказа достаточно, чтобы заставить его повиноваться. — Не называй меня госпожой. — Тогданими с меня цепи, Эйра. Я готова освободить его. Но магистр предупреждает: если снять оковы, древний Разлом уничтожит шесть долин. Вот только прежние хозяйки замка умирали одна за другой. Моя кухня бесследно исчезла. А сам Каэл скрывает страшную правду о катастрофе, унёсшей сорок три жизни. До великого магического прилива — двадцать восемь дней. Мне предстоит раскрыть тайну проклятой печати, бросить вызов королевскому магистру и не совершить самую опасную ошибку. Не влюбиться в мужчину, которого я должна отпустить. Даже если он никогда ко мне не вернётся.

© Скофилд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наследство с живым человеком	5
Глава 2. Ключ в моей ладони	14
Глава 3. Правила чужого дома	40
Глава 4. Три исчезнувшие хозяйки	63
Глава 5. Цена защиты	77
Глава 6. Договор без покорности	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Сона Скофилд

Пленный дроу. Не называй меня госпожой

Глава 1. Наследство с живым человеком

Барон Северин Роэн оставил мне замок, право собирать плату за два моста и семь страниц обязательств. Последние почему-то казались самым надёжным из всего наследства.

Я в четвёртый раз развернула завещание на коленях, придерживая уголок большим пальцем. Карету трясло так, что буквы прыгали перед глазами. Бумага была хорошая: плотная, с ровными волокнами, без следов дешёвого клея. Печать портового нотариуса лежала на ней как положено, точно над прошитым краем. Когда имеешь дело со старыми документами, перестаёшь доверять красивым обещаниям, зато начинаешь доверять правильным отверстиям от иглы.

«Замок Нордвейр с жилыми и хозяйственными строениями, угодами, доходами и установленными повинностями...»

Слова я выучила ещё дома. Но дома они помещались в узкой комнате над мастерской, где от соседского дымохода каждую зиму чернела стена. Теперь за оконцем кареты шли склоны, изрезанные террасами, и приходилось признать: даже если нотариус не ошибся, понятие «мой» плохо сочеталось с таким количеством камня.

— Дальше поедет медленнее, — предупредил кучер. — У верхнего брода размыло дорогу.

— Ещё медленнее?

Он посмотрел на меня через плечо с видом человека, чьему терпению нанесено незаслуженное оскорбление.

— Могу быстрее. Только карету тогда здесь и оставим.

Я убрала завещание в кожаную папку.

На повороте дорога спускалась к мосту. У обочины двое мужчин заталкивали под колесо телеги плоский камень, а женщина в шерстяной накидке удерживала за ворот мальчишку, рвавшегося помочь. Телега с мешками перекосилась. Один мешок порвался, и светлая мука сыпалась в грязь.

Кучер остановился, не дожидаясь моей просьбы. Я вышла размять ноги, ощутила под подошвой влажную глину и тут же пожалела, что не выбрала дорожные сапоги попрочнее. Мужчины справились без нас, но на мосту остались следы глубокой колеи.

— Чей мост? — спросила я.

Кучер поднял брови.

— Теперь ваш, госпожа.

Я посмотрела на сорванный настил и на муку, которую женщина безуспешно собирала с земли в ладони.

В завещании мост выглядел значительно прибыльнее.

Я отыскала в дорожной сумке небольшой свёрток с хлебом и сыром. Женщина приняла его после недолгого спора, в котором я проиграла почти все аргументы и победила лишь тем, что заверила: в карете еды достаточно. Это не было благородным поступком, достойным песни. Отремонтировать мост я не умела, а чужое семейство всё равно теряло часть недельного заработка. Просто стоять и смотреть было ещё хуже.

— Дорога давно такая? — спросила я.

— С весны. Старый барон обещал дать доски, только сперва надо было перекрыть крышу над амбаром. Потом ещё что-то. — Кучер пожал плечами. — Здесь всегда что-нибудь сперва.

К полудню Нордвейр показался целиком.

На рисунке, приложенном к извещению о наследстве, замок стоял на скале под ласковым солнцем. Башни были стройные, стены светлые, а над воротами колыхалось знамя. Художник предусмотрительно не изобразил ни дорогу, ни хозяйственные пристройки, ни ущелье за западным крылом.

Настоящий Нордвейр был ниже и шире. Тяжёлое главное здание упиралось в скалу, словно его не построили, а вытесали из неё. Две башни стояли на разных уровнях; третья обрушилась когда-то давно и теперь заканчивалась ровной, недавно укреплённой площадкой. От кузницы за внешней стеной тянулся дым. На внутреннем дворе сохло бельё, развешенное между каменными столбами. Из открытых ворот выкатили бочку, и кто-то сердито потребовал придержать её, пока не переломала ноги лошади.

У ворот нас остановил офицер в тёмно-синем плаще. На воротнике у него серебрилась эмблема королевского караула — копьё над двумя пересечёнными линиями. Мужчине было около сорока; седина уже тронула виски, но лицо оставалось собранным и довольно молодым.

— Назовите себя и цель приезда.

— Эйра Вальд. Мне сообщили, что я теперь владею этим местом.

Я протянула письмо с печатью нотариуса. Офицер прочёл его, сверил номер в своей книге и вернул мне.

— Капитан Рен Тарр. Отвечаю за охрану Нордвейра от имени короны. Вас ожидали вчера.

— Мы тоже ожидали себя вчера. Дорога оказалась другого мнения.

— Вещи осмотрит дежурный. Не по личному распоряжению замка, общий порядок для пограничного укрепления.

— Разумеется. Могу спросить, почему в унаследованном мной замке стоит королевский караул?

— Потому что замок охраняет не только ваше имущество, госпожа Вальд.

Он сказал это без угрозы. Так, будто отвечал на вопрос о погоде. Я решила вернуться к теме, когда узнаю, какие именно обязанности входили в мои семь страниц.

Женщина, встретившая меня за воротами, представилась Мартой Кресс, управляющей хозяйством. Её седые волосы были туго собраны на затылке, а на поясе висел пучок ключей, способный потянуть на небольшую кузнечную лавку.

— Вас надо сперва накормить, — заявила она. — Потом показать комнаты и документы. У северной стены сейчас ходить не советую: штукатурка отходит пластами.

— Вы так встречаете всех наследников?

— Я встречаю так всех, кто собирается жить здесь дольше трёх дней.

Мы пересекли двор. Мужчина в кожаном фартуке ругался на тележку с углём; кухонная девочка несла два ведра и старалась не расплескать воду; из приоткрытой двери кладовой пахло сушёными яблоками. Люди на мгновение прекращали работу и смотрели на меня. Я видела в этих взглядах любопытство, усталость, осторожную надежду и совсем немного радости. От наследницы ждали решений, а решения стоили денег.

В портовом городе меня знали как Эйру, которая может прочитать полустёртое имя на купчей и восстановить оборванный договор так, чтобы суд не усомнился в подлинности. Здесь моей главной заслугой пока оставалась фамилия матери.

Марта привела меня в небольшую столовую, где на стол уже поставили похлёбку, свежий хлеб и сыр. Я собиралась возразить, что сначала предпочла бы осмотреть замок, но запах горячей еды оказался убедительнее долга.

— Мне нужен список неотложных расходов, — сказала я, едва мы остались вдвоём. — И сведения о жалованье. Люди у ворот явно думают, что с новым владельцем появятся новые деньги.

Марта положила на стол тонкую книгу.

— Жалованье задержано на шесть недель. Мельницу в Ледяной долине ремонтировали за счёт замка. На уголь задолжали купцу из Верхнего Порта. Западная кровля течёт. А каменщик просил аванс, иначе зимой уедет.

— Есть что-нибудь целое?

— Кухонная печь. Но я бы не хвалила её вслух.

Цифры быстро уничтожили моё представление о наследстве как о сундуке с золотом. Доходы почти целиком уходили на дороги, работников и защитные сооружения. Барон оставил кое-какие накопления, но у каждой большой суммы уже было назначение.

— Сколько можно выплатить сейчас, не лишив дом топлива? — спросила я.

— Половину задержанного. Если отложить закупку новых ковров для гостевых покоев.

— Кто заказал ковры?

— Никто. Они нужны по описи, так что прежний хозяин каждый год велел откладывать на них деньги.

— Тогда ковры пока подождут.

Я записала решение на отдельном листе и попросила Марту показать расчёт ещё раз перед подписанием расхода. Мне хотелось понравиться обитателям Нордвейра, но я не собиралась начинать управление с распоряжений, смысла которых не понимала.

— Вы работали с книгами? — спросила она.

— С документами. Иногда с книгами, если их владелец знает разницу между ремонтом и уничтожением переплёта.

— Значит, в архиве вам будет чем заняться.

— Он в плохом состоянии?

— Лучше, чем западная кровля.

После обеда мне показали комнаты. В бывших покоях барона пахло затхлыми портьерами и лекарствами. Я остановилась на пороге.

— Северин болел здесь?

— Последние месяцы почти не вставал, — ответила Марта. — Мы проветрили, но запах быстро не уходит.

— Я могу жить в другой комнате?

— Конечно. Есть западные гостевые.

— Над которыми течёт крыша?

— Не над всеми.

Мы нашли небольшую спальню на втором этаже восточного крыла. Окно выходило на внутренний двор и дальние склоны. Камин был рабочий, стол стоял у света, а в стенном шкафу не оказалось ни моли, ни подозрительных пятен. Для меня этого было достаточно.

Я положила папку на стол и достала из сумки плоский костяной нож. Он принадлежал отцу и служил для того, чтобы разъединять листы, не повреждая край. Рукоять потемнела там, где её чаще всего касались пальцы. Сколько бы вещей ни перечислялось в завещании, именно этот нож пока оставался самой несомненно моей.

— Понадобится ли вам горничная? — спросила Марта.

Я посмотрела на дорожное платье, испачканное у моста.

— Понадобится таз с горячей водой. С остальным справлюсь.

— Горячую воду приносит горничная.

— Тогда нам придётся познакомиться.

Марта кивнула, словно мы достигли важного соглашения.

Я подошла к просторному письменному столу и открыла окно. В моей съёмной комнате я работала при масляной лампе и потом до утра боролась с резью в глазах. Здесь хватило бы места для шкафов с бумагой и ящиков с инструментами. Я уже мысленно расставляла вещи.

Я не выпрашивала наследство и имела право радоваться ему. И всё же удовольствие казалось преждевременным: я слишком мало знала о Нордвейре.

— Госпожа Вальд, — сказала Марта, когда я закрыла окно, — перед осмотром архива нужно подтвердить ключ.

— Ключ от чего?

— От внутренних дверей и старых охранных замков. Родовой. Его передают владельцу при вступлении во владение.

— Нельзя просто отдать мне связку, как вы сделали бы с кладовой?

— Эта часть замка старше кладовой.

Охранные печати я видела в портовых хранилищах. Простые реагировали на тепло ладони, дорогие — на имя владельца. Но мне не нравилось подтверждать доступ, не зная, какие именно двери станут мне подвластны.

— Покажите акт, — попросила я.

Марта принесла один лист с отметкой нотариальной конторы и длинной печатью королевского ведомства. В тексте значилось, что новый владелец получает право пользоваться охранным ключом Нордвейра после установления соответствия наследственной линии. Под документом требовались моя подпись и подписи двух свидетелей.

Я изучила прошивку, номер и формулировки. Акт был казённым и расплывчатым, но не содержал очевидной ловушки. «Защитные створы и внутренние узлы» — такие выражения встречались в старых документах.

— А что это за королевское ведомство? — спросила я, указав на печать.

— Канцелярия магистратских печатей. Её представитель проверял оборудование весной.

— Выходит, мой ключ тоже проверяли?

— Ключ замка, — поправила Марта. — Тогда он ещё не был вашим.

Мы спустились в узкий зал рядом с лестницей, которую я сначала приняла за служебную. Там не было ни алтаря, ни семейных штандартов. Только каменный стол, потемневшая медная пластина и низкая лампа над ней. Тарр уже ждал у двери. На столе лежал короткий тяжёлый ключ из тёмного металла — слишком широкий для обычного замка и с несколькими выступами вместо бородки.

По краю пластины шёл рисунок ветвей. Одни были истёрты, другие словно наращены позднее. В середине виднелась небольшая выемка, а под ней — тонкие линии, сходящиеся к знаку, похожему на раскрытую ладонь.

— Здесь весь ваш семейный род? — спросила я.

— Часть старого герба, — ответила Марта.

На пластине явно работали разными инструментами и в разные годы. Я мысленно сделала заметку рассмотреть её позже.

— Что требуется?

Марта достала из футляра тонкую иглу в серебряной оправе.

Я посмотрела на неё.

— Надеюсь, не целый палец.

— Одну каплю, госпожа.

— А если я откажусь?

Тарр ответил первым:

— Владеть недвижимостью вы сможете по нотариальному акту. Но охранные запоры не признают ваши распоряжения, пока соответствие не будет подтверждено. В чрезвычайной ситуации это создаст опасность для работающих здесь людей.

— И для меня?

— В том числе.

Марта протёрла иглу спиртом, подержала её над огнём, дала ей остыть и протянула мне. Я прижала кончик к подушечке большого пальца левой руки. Укол вышел неглубоким. Капля крови упала в выемку и сразу потемнела, будто медь впитала её.

Я успела подумать, что поверхность следовало бы сначала очистить от окиси, когда по линиям пробежал свет. Он был не ярким, а каким-то глубоким, словно под металлом на мгновение открылось окно в освещённую комнату. Лампа над столом качнулась, хотя никто её не задевал.

В ладони отозвалось неприятное покалывание.

— Достаточно, — сказала Марта.

На коже у основания большого пальца проявилась тонкая светлая полоска. Через несколько секунд она почти исчезла. Я потёрла руку и заметила, что Тарр внимательно следит не за пластиной, а за моим лицом.

— Всё правильно? — спросила я.

— Ключ вас принял, — ответил он.

Марта сняла тяжёлый предмет со стола и подала мне. Металл оказался холодным. На одном конце была выбита та же ветвистая фигура, что и на пластине, но от многолетних прикосновений она сгладилась.

Я подписала акт, Тарр и Марта поставили свидетельские отметки. Дело было закончено. Никаких фанфар, благословений и обещаний вечного процветания.

Только когда мы вышли в коридор, я заметила необычную усталость, будто весь день поднималась пешком к замку, а не ехала в карете. Подумала, что мало спала в дороге, и убрала ключ в карман платья.

— Теперь можно увидеть архив? — спросила я.

— Разумеется, — ответила Марта. — Но прежде покажу вам кабинет барона. К бумагам он никого не подпускал без своего разрешения.

— Даже вас?

— Особенно меня.

Кабинет Северина занимал угловую комнату с тремя узкими окнами. Высокие шкафы стояли здесь не ради красоты: полки провисли под толстыми связками дел. Большая карта окрестностей висела на стене. На ней отмечались дороги, деревни, рудники и отводы воды. От одного края карты к другому тянулась красная линия границы.

Я сразу нашла мост, на котором мы останавливались, и обнаружила, что он обозначен исправным.

— Когда составляли эту карту?

— Пять лет назад. Последние изменения вносили весной.

— Тогда весной здесь не ездили. — Я коснулась мостика на бумаге. — Доски сгнили не за одну неделю.

— Я передавала сведения об этом, — сказала Марта.

Я не стала расспрашивать, кто их проигнорировал. В ответе уже не было необходимости.

На столе лежали счета и журнал расходов. Под пресс-папье белела старая записка: «В западной башне заменить две балки до холодов». В замке было немало дел, которые прежний хозяин только вносил в списки.

Мой взгляд зацепился за небольшую рамку на полке. Внутри находился выцветший портрет женщины с высоким воротником и суровыми глазами.

— Илиана Вальд? — спросила я.

Марта подошла ближе.

— Да. Мать вашей матери и госпожи Вераны. Её портрет висел здесь ещё при старом владельце.

Бабушку я помнила по редким визитам и дорогим коротким открыткам. Она не одобряла брак моей матери с переплётчиком. На похороны матери Илиана не приехала. Отец тогда сказал, что у каждого бывают обстоятельства, о которых посторонним трудно судить. Позднее я узнала, что бабушка просто не пожелала с ним встречаться.

— А где Лиора? — спросила я. — Почему замок достался мне, а не дочери барона?

Марта переставила на место маленькую бронзовую чернильницу.

— Госпожа Лиора получила свою долю по отдельному соглашению. Она уехала лечиться. Ей нужен покой, а не управление пограничным замком.

— Где она лечится?

— Под наблюдением врачей.

— Это не название города.

Марта наконец посмотрела на меня прямо.

— Письма идут через доверенное лицо. Адрес указан в отдельных документах у нотариуса. Я не веду её личную переписку.

В детстве Лиора задавала по три вопроса подряд. Мы виделись редко. Однажды она разрезала дорогую бумагу в кабинете отца, чтобы изготовить мне корону. Барон рассердился, а она возразила, что настоящую корону тоже делают из какого-нибудь материала. Мне захотелось верить, что теперь она так же умеет спорить с важными мужчинами.

— Я попрошу копию соглашения о её доле, — сказала я.

— Как пожелаете.

Марта не возражала, но на мгновение сжала губы. Я занесла вопрос в свой блокнот.

Отец учил меня простой вещи: если документ выглядит безупречно, но люди вокруг него начинают избегать обычных вопросов, это не доказательство обмана. Это причина задать ещё несколько.

Архив находился в галерее над северным двором. Окна закрывали деревянные ставни, под потолком пахло известью. Папки лежали по годам, но один шкаф кто-то переставлял: светлые полосы на полках не совпадали со старыми коробами.

— Здесь нужен человек, который умеет работать с бумагами, — сказала Марта.

— Здесь нужен ещё и человек, который умеет закрывать окна во время дождя. Его можно найти гораздо быстрее.

Марта показала стол для разбора дел и ушла проверять уголь. В описях перечислялись мебель, инструменты, запасы зерна и обязательства перед караулом.

Меня успокаивал порядок старых книг. Люди внимательно прячут большие тайны, а затем забывают о мелочах, без которых те не могли бы существовать.

К вечеру я вернулась к столу Северина за списком расходов, который Марта обещала оставить для подписи. Под ним обнаружилась ещё одна папка. Она была тонкой и обтянутой серой тканью, с выцветшей надписью «Особое содержание. Не передавать в общую канцелярию».

Внутри лежали четыре листа.

Первые три касались закупок для нижнего охранного крыла: масло, полотно, лекарства, продовольствие, работы по укреплению металлических креплений. Цены были завышены не слишком сильно, но расход записывался регулярно, месяц за месяцем.

На четвёртом листе шла одна строка, выведенная почерком самого барона:

«Один пленный дроу. Содержание обязательное. Передача третьим лицам запрещена».

Я прочла её дважды. Затем перевернула лист и посмотрела, нет ли продолжения. На обороте находилась только дата последней инвентаризации и подпись смотрителя.

Мне знакомы были акты конфискации, документы о военных трофеях, старые долговые записи, которые современные суды отказывались признавать. Но видеть живого человека в

списке имущества замка было всё равно что найти среди стульев чьё-то имя и цену за его ремонт.

Я вспомнила толстые цепи, отмеченные в расходах. Пленник был не старой историей. Его кормили и содержали прямо сейчас.

У дверей кабинета я нашла Марту и показала лист.

— Кто это?

Она не притворилась, что не понимает вопроса.

— Заключённый нижнего крыла.

— Военный пленник?

— Так значит в приказе караула.

— Почему он включён в имущество? У него есть имя?

— Есть. Каэл Нарис.

— И он действительно находится здесь?

— Да.

На дворе уже звенели ведра у колодца. Из кухни потянуло печёным луком. Я стояла посреди тёплого, населённого дома, где собирались подавать ужин, и старалась понять, как эти простые вещи уживались с её спокойными ответами.

— Мне нужно увидеть его.

Марта вздохнула.

— Госпожа, нижние помещения находятся под охраной. Там не место для осмотра после долгой дороги.

— Мы сейчас не обсуждаем, место ли мне там. Вы сказали, что этот человек числится в описи моего наследства. Я хочу знать, что именно мне передали.

— Тогда понадобится капитан.

Тарр пришёл из караульной комнаты через несколько минут. Прочёл лист, который я протянула ему, и вернул, держа его лишь за самый край.

— Пленный относится к особому режиму королевской охраны, — сказал он. — Его нельзя передать, отпустить или вывезти без распоряжения ведомства.

— Ведомства, которое даже не удосужилось прислать мне отдельный документ?

— Распоряжение хранится у меня. Могу показать утром.

— Почему утром?

— У вас был долгий путь. И ещё вы не знаете, с кем собираетесь говорить.

— Вот это я и намерена выяснить.

Капитан несколько секунд молчал.

— Он опасен, госпожа Вальд.

— Тогда вы пойдёте со мной.

Марта вызвалась проводить нас до нижней лестницы. Она шла впереди до конца жилого коридора, потом отдала капитану ключ и остановилась у ступеней.

— Ниже я не спускаюсь, — сказала она.

Я хотела спросить почему, но по её лицу поняла: при всех слугах ответа не получу. Попросила оставить в моей комнате горячую воду и чистую рубашку. Марта посмотрела на меня с удивлением, словно такие просьбы не вязались с решением идти в темницу, и кивнула.

За первой дверью пахло мокрым камнем. Ступени уводили вниз, к более холодному воздуху. Тарр шёл впереди с фонарём, на площадках стояли караульные. Никто не разговаривал. Шаги отдавались странно глухо, будто стены поглощали эхо.

Я рассчитывала увидеть решётку и небольшую камеру, как в старом городском остроге. Вместо этого после двух пролётов мы вышли в широкий коридор с укреплёнными железом дверями. На камне возле последней были вырезаны знаки. На них временами вспыхивал тусклый лиловый свет.

— Не приближайтесь к внутреннему кругу, — предупредил Тарр.

— Где он?

Капитан указал на линию в полу. Она образовывала дугу перед дверным проёмом.

Он отпер наружную створку, назвал моё имя и остался возле неё, подняв фонарь.

За решёткой находилась не тесная клетка, а помещение размером с небольшую залу. У дальней стены стояла узкая кровать. Рядом — стол, кувшин и несколько сложенных полотенец. Пол был чистым; в нише горел светильник, от которого серые стены казались почти синими.

В середине помещения стоял мужчина.

Сначала я увидела волосы — серебристые, собранные сзади в неровный узел. Потом лицо с резкими скулами и тёмной кожей оттенка остывшего пепла. Он был значительно выше меня, широк в плечах, но слишком худ для человека такого сложения. На нём была простая тёмная рубашка, расстёгнутая у горла. Ткань истёрлась на локтях, хотя саму одежду явно стирали и чинили.

Цепи шли от его запястий к креплениям в камне. Они были достаточно длинными, чтобы он мог дойти до стола и кровати, но не до двери. Между металлическими звеньями виднелись полосы тусклого света. Одно запястье он держал чуть ниже другого, словно так меньше тянуло повреждённую кожу.

Его глаза оказались фиолетовыми. Я встречала дроу лишь однажды, много лет назад на пристани, и запомнила не цвет глаз, а то, как вокруг приезжего замолчали торговцы. Сейчас мне было не до старых воспоминаний.

Мужчина смотрел прямо на меня. Не на капитана, не на фонарь. На меня, словно ожидал и заранее решил ничего не облегчать.

— Каэл Нарис? — спросила я.

Он перевёл взгляд на лист, который я по-прежнему держала в руке.

— У меня появилось другое имя в вашей книге?

Голос был низким, немного хриплым, без заметного акцента.

— Я предпочла спросить у вас.

— И как, вам понравился ответ?

— Пока вы не ответили.

Он чуть склонил голову.

— Каэл Нарис.

— Эйра Вальд.

— Я слышал, как вас объявили у двери.

Тарр шагнул ближе.

— Заключённый, отвечай без дерзостей.

Каэл даже не повернулся к нему. Мне почему-то стало неловко за это требование, хотя я ещё ничего не знала о причинах заключения.

— Как давно вы здесь? — спросила я.

— Двенадцать лет.

Он назвал срок без нажима. Я мысленно отняла двенадцать лет от собственного возраста и вспомнила себя пятнадцатилетней девочкой, которая училась выпрямлять мокрую бумагу под прессом, боялась первой самостоятельной работы и была уверена, что впереди времени достаточно для всего.

— Вам предъявляли обвинение? Был суд?

— Спросите человека с мечом. У него на каждый вопрос найдётся бумага.

— Бумага не всегда означает ответ, — сказала я.

Впервые что-то изменилось в его взгляде. Ненадолго, всего на мгновение, но он перестал смотреть на меня как на очередной предмет обстановки.

Тарр напомнил, что время посещения заканчивается. Я не возражала: мне нужно было увидеть распоряжение, разобраться в условиях содержания, понять хотя бы то, чьей власти подчинялась темница. Но прежде чем уйти, я ещё раз посмотрела на цепи.

— Я ознакомлюсь с документами, — сказала я Каэлу. — И выясню, почему вас внесли в опись как вещь.

— Новые хозяева обычно начинают с обещаний.

— Я не обещаю вам свободу. Но документы прочту.

Он опустил глаза на мою левую руку, и мне показалось, что светильник над его столом коротко дрогнул.

— Разумеется, госпожа.

Это слово прозвучало с такой холодной вежливостью, что я ощутила себя не хозяйкой, а гостьей, которая уселась в чужое кресло и по неведению потребовала благодарности.

— Не называй меня госпожой.

Каэл снова посмотрел мне в лицо.

— Тогданими с меня цепи, Эйра.

В кармане платья внезапно нагрелся тяжёлый наследственный ключ.

Глава 2. Ключ в моей ладони

Ключ обжёг пальцы сквозь ткань кармана.

Я невольно отдернула руку, и Каэл проследил за этим движением с таким вниманием, что мне захотелось немедленно спрятать её за спину.

— Что с ним? — спросила я.

— Ты держишь его слишком близко.

— К чему?

Каэл посмотрел на капитана.

— Она действительно ничего не знает?

Тарр не ответил. Он шагнул к открытой створке и положил ладонь на рукоять меча.

— Посещение окончено, госпожа Вальд.

— Я задала вопрос.

— На который заключённый не уполномочен отвечать.

— Странно. О себе он, полагаю, знает больше любого из нас.

Каэл усмехнулся. Улыбка не сделала его лицо мягче.

— Не обязательно. За двенадцать лет обо мне написали столько, что я уже не успеваю за собственной биографией.

— Достаточно, Нарис, — произнёс Тарр.

— Вот видишь? Даже разговаривать я могу лишь с разрешения.

В коридоре за моей спиной звякнуло оружие. Один из караульных переменил положение у двери. Оттуда тянуло прохладой, но в темнице воздух казался неподвижным. Свет на железных креплениях постепенно угасал, затем начинал тлеть снова.

Я вынула ключ из кармана.

Он уже не был раскалённым. Тёмный металл лежал на ладони, широкий, тяжёлый, с выступами разной длины. У основания находилась неглубокая выемка, в которую удобно ложился большой палец. Именно на нём после дневного обряда осталась едва заметная светлая черта.

— Это охранный ключ, — сказала я. — По крайней мере, мне так объяснили.

Каэл не сводил с него глаз.

— Положи обратно.

Я подняла голову.

— Почему?

— Потому что ты не знаешь, что держишь.

Он произнёс это без прежней насмешки.

Тарр сделал шаг вперёд.

— Уберите ключ, госпожа. Заключённый намеренно пытается вас запугать.

— Положи его, — повторил Каэл.

— Это угроза?

— Это совет, который тебе дали бесплатно.

Капитан открыл рот, собираясь вмешаться, но в тот же момент Каэл резко двинулся к решётке.

До неё оставалось несколько шагов. Он не мог достать ни меня, ни капитана: цепи удерживали его далеко от порога. Однако движение оказалось таким стремительным, что я отшатнулась. Металлические звенья ударились друг о друга с оглушительным звоном.

Я не успела подумать.

Пальцы сжались вокруг ключа. Рука поднялась, направляя его к пленнику.

— Стой!

Что-то щёлкнуло внутри металла.

Звук был негромкий, почти домашний, похожий на сухой треск замка при повороте ключа. Но по полу мгновенно побежали фиолетовые линии.

Каэл застыл посреди движения.

Не остановился сам. Его тело дёрнулось, будто невидимая сила ухватила за позвоночник и натянула все мышцы сразу.

На груди под рубашкой вспыхнуло клеймо.

Он попытался вдохнуть. Я увидела, как напряглась шея, как пальцы судорожно стиснулись, как лицо на мгновение исказилось от боли. Колени подогнулись, но упасть ему не позволили. Цепи натянулись, удерживая руки в стороны.

Всё произошло за несколько ударов сердца.

— Что?.. — выдохнула я.

— Опустите ключ, — резко сказал Тарр.

Я разжала пальцы.

Ключ ударился о каменный пол с моей стороны решётки.

Фиолетовые линии погасли.

Каэл рухнул на одно колено, успев выставить ладонь. Цепи с тяжёлым звоном ослабли. Он согнулся, стараясь набрать воздух, и какое-то время я слышала только его хриплое дыхание.

Я смотрела на собственную руку.

Светлая отметина у основания большого пальца стала отчётливее. Теперь она напоминала тонкую неровную царапину, хотя кожа не была повреждена.

— Я не хотела, — сказала я.

Каэл поднял голову.

На его лице выступил пот. Серебристая прядь прилипла к виску.

— А получилось убедительно.

Я присела за ключом, но его голос остановил меня.

— Не трогай.

Моя рука замерла в нескольких дюймах от металла.

— Он лежит на полу.

— Я заметил.

— Ты думаешь, я снова...

Я не договорила.

Почему-то гораздо труднее было произнести «сделаю тебе больно», чем признать, что именно это уже произошло.

Каэл медленно выпрямился. Он не просил помощи и не смотрел на капитана. Сосредоточенно дышал, переживая последствия. Правая кисть заметно дрожала.

Тарр наклонился, поднял ключ, взяв его за край, и протянул мне.

— Его нужно убрать.

— Я не собираюсь его брать.

— Вы должны хранить наследственный ключ при себе.

— Только что из-за него человек едва не потерял сознание.

— Заключённый предпринял резкое движение в сторону посетителя. Охранный механизм сработал согласно назначению.

Я повернулась к капитану.

— Согласно назначению?

— Да.

— Он находился за решёткой. В цепях. На расстоянии, с которого не мог ко мне приблизиться.

— Вы не знаете возможностей дроу.

— Зато теперь знаю возможности ключа.

Тарр нахмурился.

— Госпожа Вальд, я понимаю ваше потрясение, однако...

— Нет, капитан. Вы прекрасно понимали, что произойдёт, когда я подниму эту штуку. Поэтому и велели её убрать. Но до этого никто не посчитал нужным объяснить мне, как она работает.

В коридоре стало тихо.

Тарр выдержал мой взгляд. Он не походил на человека, способного легко смутиться, и всё же пауза перед ответом затянулась.

— Обращение с наследственным ключом входит в обязанности хранителя. Вас должны были ознакомить с инструкциями.

— Кто?

— Управляющая хозяйством или представитель ведомства печатей.

— Управляющая показала, как уколоть палец. Представителя ведомства я пока не видела.

Каэл тихо рассмеялся — невесело, скорее от усталости.

— Замечательное начало.

Тарр резко обернулся.

— Ещё слово, Нарис, и разговор закончится.

— Он и так закончится, — ответил Каэл. — У тебя есть приказ на всё, кроме правды.

Я посмотрела на тёмный ключ в руке капитана.

— Унесите его в караульную.

— Я не могу принять его на хранение.

— Почему?

— Он закреплён за владельцем. Посторонний человек не сможет управлять внутренними запорами, если потребуется срочный доступ.

— Какими именно запорами?

— Защитными.

— И теми, что удерживают Каэла?

Тарр помолчал.

— В том числе.

— Тогда оставьте ключ на столе у выхода. Я заберу его, когда узнаю, как не причинять людям боль.

— Это не предусмотрено порядком.

Я устала от этого слова за несколько часов сильнее, чем от двухдневной дороги.

— Покажите мне порядок, капитан. Целиком. Со всеми приложениями.

Он положил ключ на узкий каменный выступ возле наружной двери.

— Завтра.

— Сегодня.

— Сейчас поздний час.

— Бумаги от этого не исчезнут.

— Для доступа к части распоряжений необходимо разрешение магистра.

— А для того, чтобы выдать неподготовленной женщине орудие пытки, разрешение не потребовалось?

Лицо Тарра стало жёстким.

— Я не позволю вам называть законную охрану пыткой только потому, что вы впервые столкнулись с её действием.

— Как вы это называете, меня интересует значительно меньше того, что я увидела.

Я услышала собственный голос и поняла, что говорю громче обычного. Страх уже проходил. На его месте оставалась злость, неприятно ясная и не дававшая спрятаться за вежливость.

За решёткой Каэл поднялся с колена.

Я повернулась к нему.

— Ты можешь стоять?

— Как видишь.

— Я имела в виду...

— Я знаю, что ты имела в виду.

Он сделал шаг к кровати, опираясь рукой о стену. Двигался осторожно. Правую ногу переставлял чуть медленнее левой, словно мышцы ещё плохо слушались.

Мне захотелось подойти и помочь ему добраться до постели.

Я осталась на месте.

После того, что случилось, мои прикосновения могли быть последним, чего он хотел.

— Это было из-за ключа? — спросила я.

Каэл остановился.

— Нет. От нежности.

Я выдержала насмешку.

— Я спрашиваю, чтобы понять, не повторится ли это.

— Пока ты не поднимешь руку и не отдашь приказ, повторяться нечему.

Тарр шагнул между нами.

— Заключённый не имеет права инструктировать нового владельца о свойствах охранных устройств.

— Тогда сделайте это вы, — сказала я.

Капитан посмотрел на дверь, потом на ключ. Его молчание оказалось достаточно красноречивым.

Каэл добрался до кровати и сел, опустив руки на колени.

— Видишь, Эйра? Меня запрещено слушать, а им запрещено объяснять.

Я ещё несколько секунд стояла у решётки.

— Я вернусь.

— Все так говорят.

— Тогда не стану просить мне верить.

Он не ответил.

Когда Тарр запер створку, Каэл уже отвернулся к стене. Последнее, что я увидела, — его пальцы, сжимавшие край кровати. Они всё ещё дрожали.

Капитан проводил меня до верхней площадки. Только там я заметила, что сама дрожу не меньше пленника. Пальцы казались ледяными, хотя металл ключа успел обжечь их дважды.

— Мне нужен лекарь, — сказала я.

— Вы ранены?

— Не мне. Ему.

Тарр остановился.

— Заключённого осматривают регулярно.

— Когда был последний осмотр?

— Согласно установленному расписанию.

— Это не дата.

— Позавчера.

— Тогда лекарь сможет оценить, что изменилось после сегодняшнего происшествия. И проверить его запястья. Там повреждена кожа.

— Постоянные крепления иногда натирают.

— Я умею отличать старый рубец от свежей раны.

— Медицинская помощь оказывается.

— Прекрасно. Значит, мне не придётся долго объяснять, почему она должна оказываться и дальше.

Капитан устало выдохнул.

— Я передам ваше распоряжение.

— Не распоряжение о принудительном осмотре. Передайте, что лекарь доступен, если Каэл согласится его принять.

Тарр посмотрел на меня так, словно я предложила ему проводить заседания военного совета среди кур.

— Заключённым не предоставляют права выбирать условия содержания.

— Тогда сегодня начнём с одного права. Отказаться от лекаря.

— Если его состояние потребует вмешательства...

— В случае непосредственной угрозы жизни вы поступите так, как сочтёт необходимым лекарь. Но я не собираюсь заставлять человека терпеть прикосновения только ради собственного спокойствия.

Капитан некоторое время изучал моё лицо. Затем кивнул.

— Передам.

Мы дошли до развилки. Одна лестница вела к жилым комнатам, другая — к караульному посту.

— Почему Каэл здесь? — спросила я.

— Я уже говорил.

— Вы сказали, что он опасен. Это не ответ.

— Он участвовал в событиях, после которых погибло много людей.

— Сколько?

— Достаточно, чтобы корона сочла его дальнейшее содержание необходимым.

— Кто вынес решение?

— Совет по пограничной безопасности.

— На основании судебного приговора?

— На основании чрезвычайных полномочий.

— То есть приговора нет?

Тарр помедлил.

— Я этого не говорил.

— Тогда завтра покажете.

— Всё, к чему у вас есть право доступа.

— Капитан, я сегодня узнала, что владение замком даёт мне возможность причинять боль человеку, которого я ни разу прежде не видела. Мне кажется, это достаточная причина проверить объём собственных прав.

Он поправил перчатку.

— У вас неправильное представление о ситуации. Ключ существует не для вашего удовольствия. Он обеспечивает безопасность.

— До сегодняшнего вечера я вообще не знала о его существовании. Так что моё удовольствие здесь совершенно ни при чём.

Тарр не нашёлся с ответом. Возможно, просто решил не продолжать разговор с женщиной, которая задавала больше вопросов, чем полагалось новому владельцу.

— Я распоряжусь приготовить документы, — сказал он наконец.

Мы расстались холодно, но без открытой ссоры.

По дороге к моей комнате я несколько раз оглядывалась.

Коридоры Нордвейра теперь выглядели иначе. За окнами темнело, слуги зажигали настенные светильники, снизу доносились голоса людей, готовившихся к ужину. Всё это было совершенно обыденным.

Мне хотелось, чтобы кто-нибудь объяснил, как в доме, где спорят о цене угля и количестве соли в похлёбке, можно годами держать человека на цепи.

Разумеется, люди умели привыкать к вещам куда более страшным. Я достаточно работала с судебными книгами, чтобы не питать иллюзий. Но между чужой давней несправедливостью, записанной выцветшими чернилами, и мужчиной, который сейчас пытался избавиться от боли за запертой дверью, лежало расстояние, к которому я оказалась не готова.

Марта встретила меня возле столовой.

— Вы спускались вниз.

Это прозвучало не как вопрос.

— Да.

— Капитан предупредил, что вы намеревались осмотреть заключённого. Я надеялась, вы передумаете.

— Почему?

— Потому что сначала следовало привыкнуть к дому.

— Чтобы потом легче было считать человека частью мебели?

Марта сжала губы.

— Я не называла его мебелью.

— Его внесли в опись именно там, где перечислены остальные вещи.

— Это старый порядок.

— Старый не означает правильный.

— Верно. Но не каждый неправильный порядок можно изменить к ужину.

Последние слова были произнесены без насмешки.

Я могла бы возразить. Наверняка нашла бы что-нибудь убедительное. Однако передо мной стояла женщина, которая отвечала за отопление, еду, жалованье и больную кровлю. Она явно знала о замке больше меня.

И ещё она боялась нижнего крыла.

— Пойдёмте в мой кабинет, — сказала я. — Мне нужна вся документация по наследственному ключу.

Марта посмотрела на мою левую руку.

— Он с вами?

— Остался у двери темницы.

— Вы оставили его там?

— На каменном выступе под охраной.

— Эйра...

Она впервые назвала меня по имени.

— Что?

— Ключ следует держать при себе.

— Это сегодня уже говорили. Не объяснили только почему.

Марта огляделась. В коридоре никого не было, но она всё равно понизила голос.

— Так принято. Все хранительницы держали его рядом.

— Какие хранительницы?

— Владельцы замка из рода Вальд.

— Северин был Роэном.

— Барон управлял владением. Но прежние ключи принадлежали вашей бабушке, потом госпоже Веране, потом Лиоре.

Я остановилась.

Днём Марта говорила о наследственном подтверждении так, будто речь шла об обычной процедуре. Теперь выяснялось, что ключ переходил не от владельца к владельцу, а по определённой семейной линии.

— Лиора пользовалась им?

— Да.

— Почему тогда она не оставила его себе?

— Потому что теперь замок ваш.

— Владение перешло по завещанию. А ключ, по вашим словам, связан с Вальдами. Если Лиора жива, почему он понадобился мне?

Марта отвела глаза.

— Этим занимается ведомство печатей. Я веду хозяйство.

— Вы были свидетелем обряда.

— По распоряжению барона.

— Барон умер три недели назад.

— Приказ составили при его жизни.

Она отвечала быстро, но каждое новое объяснение порождало ещё два вопроса.

— Я хочу увидеть сам приказ.

— Я принесу его утром вместе с остальными бумагами.

— Почему всё можно увидеть только утром?

— Потому что архивные шкафы уже закрыты, а управляющая после двенадцати часов работы хочет поесть.

Я посмотрела на Марту.

Она выглядела уставшей. Под глазами залегли тени, на рукаве осталось пятно муки. Сейчас я могла потребовать открыть шкафы. Возможно, она бы подчинилась. Но от этого ни один документ не стал бы понятнее.

— Хорошо, — сказала я. — Утром. Только не потеряйте ничего по дороге.

Марта сухо улыбнулась.

— У нас протекает кровля, госпожа Вальд. Вода поступает, а тепло и деньги уходят. Документы пока удаётся удерживать.

В своей комнате я обнаружила обещанный таз с горячей водой, чистое полотенце и скромный ужин. На подносе лежало яблоко — красное, с маленькой тёмной отметиной у плодоножки.

Я долго смотрела на него, прежде чем поняла, что не могу есть.

За годы работы мне доводилось восстанавливать бумаги, которые люди старались уничтожить. Однажды я получила долговую книгу, страницы которой были вымочены в солёной воде. Хозяин уверял, что её случайно затопило во время шторма. На деле кто-то старательно погружал в воду только те листы, где значились выплаты определённому человеку.

Почерк оставался узнаваемым. Соль высохла. Правда никуда не исчезла.

Тогда всё казалось простым: восстановить запись, подтвердить подлинность, передать нотариусу. Я не отвечала за то, что произойдёт после.

В Нордвейре подпись под актом уже стояла моя.

Я достала из папки лист, который подписала днём.

«Подтверждение наследственного соответствия для использования охранных створов и внутренних узлов».

Ничего о заключённом. Ни слова о цепях, клейме, способности принуждать живое тело к движению или неподвижности.

Я поставила свечу поближе и принялась изучать текст.

Бумага была изготовлена недавно. На водяном знаке проступала эмблема королевской канцелярии. Печатный формуляр заполняли от руки; чернила успели высохнуть как следует. Подписи свидетелей стояли там, где следовало.

Юридически документ выглядел убедительно.

Я снова прочла строчку об охранных узлах.

В старых строительных описаниях этим словом обозначали места, где сходились несколько самостоятельных механизмов. Например, воротный затвор и сигнальный колокол. Но здесь никакого перечня узлов не прилагалось.

Я взяла чистый лист и записала:

«Получила право пользоваться неизвестной системой. Описание не предоставлено. Действие ключа на заключённого скрыто. Вопрос: относится ли это к обычной охране или к отдельному устройству?»

После короткого раздумья добавила:

«Ключ реагирует на определённое положение руки и приказ. Просто нахождение рядом не вызвало боли. Возможно, необходимо одновременное действие».

Я не была магом. Но знала, что даже совершенно непонятное явление стоит описывать точно, не подменяя наблюдение догадками.

На другом листе я выписала последовательность событий.

Капля крови на пластине. Свет под металлом. Отметина на ладони. Необычная усталость. Ключ нагрелся возле камеры. Я подняла руку, сжала его и приказала остановиться. Каэл застыл. Когда пальцы разжались, действие прекратилось.

Получалось, что механизм был настроен на меня.

И если бы я в страхе велела Каэлу сделать что-нибудь иное, последствия могли оказаться гораздо хуже.

В дверь осторожно постучали.

— Войдите.

На пороге показалась молодая горничная с кувшином воды. На вид ей было лет девятнадцать. Русые волосы она собрала под косынку, из-под которой выбилась тонкая прядь.

— Я принесла свежую, госпожа. В тазу уже остыла.

— Спасибо. Как тебя зовут?

— Нина.

— Давно работаешь здесь?

— Три года.

Она поставила кувшин и принялась собирать использованные полотенца.

Я не хотела превращать обычную девушку в источник сведений, которыми она, возможно, не имела права делиться. Но меня мучил один вопрос.

— Нина, вы знаете, кто находится в нижнем крыле?

Её пальцы замерли на ткани.

— Заключённый.

— Вы его видели?

— Один раз. Когда относила чистое бельё.

— И как он вам показался?

Она посмотрела на меня с неподдельным удивлением.

— Каким?

— Больным? Злым? Испуганным? Я не прошу судить о его характере. Просто расскажи, что заметила.

Нина поправила край полотенца.

— Он спросил, почему я плачу.

— А ты плакала?

— У меня тогда брат ушибся на лесопилке. Я как раз получила письмо. Думала, останется без руки.

— И что ответила?

— Что это не его дело.

Я невольно улыбнулась.

— Разумно.

— Он сказал, чтобы я отнесла письмо капитану. Там была фамилия мастера, который не дал брату уйти с работы после травмы. А капитан, оказывается, знал этого мастера по прежней службе.

— Помогло?

— Брата отвезли к лекарю. Рука теперь двигается. Только пальцы не все сгибаются.

Нина замолчала.

— Я не знаю, почему пленник подсказал, — добавила она. — Наверное, просто хотел, чтобы я перестала реветь возле его двери.

— Возможно.

Девушка забрала полотенца.

— Вам ещё что-нибудь нужно?

Я хотела спросить о прежних хозяйках, о Лиоре и о том, какие разговоры ведутся в доме. Но увидела, как напряжены плечи Нины, и остановилась.

— Нет. Спасибо за воду.

Когда она вышла, я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Мне рассказали крохотную историю. Она ничего не доказывала. Человек мог помочь горничной и при этом быть виновным в страшных преступлениях. Хороший поступок не перечёркивал дурного.

Но Нина увидела в пленнике того, кто заметил чужие слёзы.

А я сегодня, испугавшись, остановила его болью.

Я обмыла руки, переоделась и попыталась поужинать. Суп остыл, зато хлеб был мягким. Я съела половину ломтя, остальное оставила на подносе и вернулась к документам.

Прошло, наверное, около часа, когда я услышала голос.

Сначала решила, что кто-то разговаривает за дверью.

Голос был женский. Тихий, приглушённый, словно доносился через несколько закрытых комнат.

Я подняла голову.

В коридоре никто не ходил.

Слова разобрать не получалось. Несколько мягких слогов сменились длинным шорохом, потом всё смолкло. Я подождала, и голос раздался снова — из стены возле камина.

Я встала, взяла свечу и подошла ближе.

Каменная кладка была обычной: неровные блоки, старый раствор, тонкая трещина над плинтусом. За стеной, насколько я помнила расположение комнат, проходила узкая лестница. Однако слышалось так, будто женщина стояла непосредственно по другую сторону камня.

— Кто здесь? — спросила я.

Голос оборвался.

Я невольно почувствовала себя дурой.

Новый замок, странный пленник, непонятный обряд. Достаточно событий, чтобы вообразить разговор даже в потрескивании дров.

Я уже собиралась вернуться к столу, когда из стены донёсся негромкий звук.

Три коротких удара, затем пауза.

Я замерла.

Потом звук повторился.

Не одинаково. Последний удар был слабее, словно кто-то касался камня кончиками пальцев.

Я поставила свечу на выступ камина и приложила ладонь к камню.

Под ладонью ощущалось слабое тепло.

Я проверила соседние камни. Они были прохладными, хотя находились так же близко к огню.

Под пальцами на мгновение возникло странное ощущение, как если бы кто-то очень далеко потянул за нитку, привязанную к запястью.

В тот же миг отметина на левой руке засветилась.

Я отдернула ладонь.

Свет исчез.

За стеной послышался слабый женский шёпот.

Мне почудилось одно слово.

«Ниже».

Я схватила свечу и вышла в коридор.

У лестницы стоял пожилой слуга с охапкой дров. Увидев меня, он чуть не выронил поленья.

— Госпожа?

— За моей комнатой кто-нибудь живёт?

— За вашей? Нет, там старая лестница и закрытая кладовая.

— Кто-нибудь сейчас мог туда попасть?

— Через нижний проход, наверное. Но его давно не используют.

— Я слышала голос.

Слуга покосился на стену.

— Здесь так бывает.

— Что именно бывает?

— Звуки. Ветер в шахтах, вода под фундаментом. На большой высоте стены особенно сильно гудят.

— Женский голос тоже?

Он явно пожалел, что вообще вступил в разговор.

— Не могу знать, госпожа.

Я поблагодарила его и вернулась к камину. Сколько ни прислушивалась, больше ничего не услышала.

В портовых домах звук порой проходил по водосточным трубам так, что разговор на улице казался происходящим за шкафом. В Нордвейре могли быть служебные шахты. Замок перестраивали не одно столетие, и его внутренние пространства наверняка знали далеко не все обитатели.

Но светящаяся отметина на руке не объяснялась сквозняком.

Я добавила в записи:

«После принятия ключа появилась чувствительность к неизвестному воздействию в камне. Слышала голос и три удара возле камина. Проверить расположение служебных ходов».

Затем долго смотрела на новую строчку.

Сегодняшний день начинался с мысли о крыше, жалованье и просторном письменном столе.

Теперь меня занимали цепи, кровь и голоса в стенах.

Спать я не могла.

Я лежала в постели и слушала, как потрескивают поленья. Время от времени сквозь окно доносился глухой удар колокола. Из внутреннего двора пахло мокрой землёй, и где-то за стеной скрипела плохо закреплённая ставня.

В какой-то момент я поняла, что считаю удары часов, ожидая нового голоса.

Около полуночи я оделась.

Мне следовало дожидаться утра. У капитана были документы, у Марты — ключи от архивов, а у меня — усталость и слишком много вопросов. Но мысль о том, что Каэл всё ещё не знает, почему я заставила его страдать, не давала покоя.

Точнее, он, вероятно, знал гораздо больше меня.

Я решила вернуться в нижнее крыло.

На лестнице горела одинокая лампа. В караульной комнате у первого перехода сидел солдат с раскрытой книгой. Он вскочил, увидев меня.

— Госпожа Вальд! Вам что-то требуется?

— Мне нужно поговорить с заключённым.

Солдат перевёл взгляд на часы.

— Сейчас?

— Да.

— Капитан уже ушёл отдыхать.

— Я не прошу будить капитана, если для прохода достаточно дежурного.

Он выглядел несчастным.

— Обычно ночные посещения не разрешаются.

— Обычно новые хозяйки не узнают о свойствах своих ключей таким способом.

Солдат промолчал.

Я посмотрела на его книгу. Это был журнал дежурств, раскрытый на странице с отметками времени.

— Как тебя зовут?

— Олин, госпожа.

— Олин, я не собираюсь никого освобождать посреди ночи. Мне нужно задать несколько вопросов. Ты можешь записать время моего посещения и сопровождать меня. Если правила требуют уведомления капитана, утром он всё узнает из журнала.

Олин замялся, потом указал на соседнюю скамью.

— Подождите здесь. Я вызову старшего смены.

Пришлось ждать около десяти минут.

Старшим оказался коренастый мужчина с красным носом и шрамом над бровью. Он выслушал меня без особого удовольствия и предупредил, что внутренняя створка останется запертой, а разговор будет происходить под наблюдением.

— Я уже видела створку, — сказала я. — И наблюдение меня вполне устраивает.

Он отправил Олина за фонарём.

Мы спустились вниз. На этот раз я внимательнее смотрела по сторонам.

Стены здесь были сложены из больших серых блоков. В нескольких местах между ними шли тонкие металлические полосы, исчезавшие под штукатуркой. Я заметила, что на третьей площадке одна полоса расходилась на две. Рядом имелась закрытая железная дверь, почти полностью сливавшаяся с камнем.

— Куда она ведёт? — спросила я.

Старший смены обернулся.

— К обслуживающим помещениям.

— Кто их обслуживает?

— Мастера ведомства.

— Они живут в замке?

— Приезжают по необходимости.

Я запомнила ответ.

Возле темницы Олин поставил фонарь на выступ и отпер наружную створку. Старший остался рядом. Ключа Нордвейра у меня не было, и это немного успокаивало.

Каэл сидел за столом.

Перед ним лежала раскрытая книга. От страницы он оторвался не сразу. Лишь когда Олин назвал моё имя, дроу поднял глаза.

— Как быстро ты соскучилась.

— Я хотела убедиться, что ты в порядке.

— Для этого обычно достаточно не отдавать приказов.

Старший караульный кашлянул.

— Следи за языком, заключённый.

— Не нужно, — сказала я. — Я пришла разговаривать с Каэлом, а не слушать замечания по поводу его манер.

Дроу неторопливо закрыл книгу.

Теперь я заметила, что его движения стали свободнее, но боль никуда не исчезла. Когда он положил ладони на стол, правая слегка подрагивала.

— Лекарь заходил? — спросила я.

— Заходил.

— Ты позволил ему осмотреть себя?

— Нет.

— Почему?

— Потому что не нуждался в том, чтобы ещё один человек проверял, насколько крепко держатся цепи.

— Я просила предложить тебе помощь, а не осматривать крепления.

— Он это и передал.

— Хорошо.

Каэл приподнял бровь.

— Хорошо?

— Ты отказался. Значит, отказался.

Он помолчал.

— Любопытно.

— Что именно?

— Обычно после такого ответа мне объясняют, что я не понимаю собственного блага.

— Я тоже не уверена, что понимаю. Поэтому не собираюсь выдавать свою догадку за твоё благо.

Он откинулся на спинку стула.

Теперь, когда между нами не было ключа, я смогла рассмотреть его лучше.

Кожа Каэла при слабом освещении казалась почти чёрной, но возле виска и на открытой шее проступал более тёплый сероватый оттенок. Серебряные волосы доходили до плеч. Он убрал их назад, но несколько прядей выбились и лежали возле лица. На левом предплечье под рукавом виднелся длинный старый шрам.

Он был красив той опасной, неудобной красотой, которую невозможно отделить от характера. Я не могла бы назвать его лицо добрым. Даже усталость не делала его беззащитным.

Однако я помнила, как он упал на колено.

И этого было достаточно, чтобы не обманываться внешним впечатлением.

— Что это за охранный механизм? — спросила я.

Каэл некоторое время смотрел на меня.

— Тарр тебе ничего не объяснил?

— Сказал только, что им управляет ключ. Я хочу знать настоящее название.

— Мы называем его уздой.

— Это официальное название?

— Нет. Официальные названия здесь длиннее и приличнее. Они обычно нужны, чтобы человек не понял, что с ним делают.

— А ты можешь объяснить?

Он перевёл взгляд на караульных.

— Им не понравится.

— Я разговариваю с тобой.

— Им всё равно не понравится.

Олин неловко переступил с ноги на ногу. Старший смены сложил руки на груди, но молчал.

Каэл провёл большим пальцем по краю стола.

— Узда состоит из трёх частей. Клеймо, оковы и управляющий контур. Клеймо держит связь с моей плотью. Оковы ограничивают движение и доступ к собственной силе. Контур позволяет носителю ключа отдавать определённые приказы.

— Определённые?

— Не проси меня перечислять их здесь.

Он сказал это ровно, но мне хватило взгляда на его запястья.

— Как я его включила?

— Сжала ключ отмеченной рукой, направила его на меня и приказала остановиться.

— Если бы я просто сказала «стой», ничего бы не произошло?

— Нет.

— А если бы держала ключ в другой руке?

— Он не признал бы тебя. По крайней мере, так его устроили.

— Значит, всё зависит от положения ключа?

— От нескольких условий. Кровь, отметина, направление и приказ. Одна случайная фраза не должна причинять вред.

Я почувствовала облегчение, но короткое.

Это означало, что можно разговаривать, не опасаясь каждого слова. Но также означало, что днём я действительно привела механизм в действие — пусть и не понимая, что делаю.

— Когда я разжала пальцы, действие прекратилось.

— Потому что разомкнулся управляющий контакт. Если бы ты продолжала держать ключ, я оставался бы неподвижным.

— Сколько?

Каэл посмотрел на меня так, будто я задала вопрос, на который не стоило знать ответ.

— Пока выдержало бы тело.

Меня затошнило.

Я опустила глаза на собственную ладонь.

— И такие вещи считаются охранными?

— Здесь многое считается необходимым.

Он не обвинял меня прямо. Наверное, так было даже хуже.

— Почему ты двинулся к решётке? — спросила я.

Каэл не ответил сразу.

— Хотел увидеть ключ.

— Ты мог попросить.

— Ты уже держала его. Я увидел отметину на руке и понял, что тебя подключили.

— Подключили к чему?

Он не спешил говорить.

— Когда ты вынула ключ, я попытался остановить тебя. Но капитан начал объяснять, что я опасен. Я хотел подойти настолько близко, насколько позволяли цепи, чтобы ты услышала меня без его вмешательства.

— Ты знал, что я испугаюсь?

— Допускал.

— И всё равно сделал?

— Да.

Я смотрела на него, не зная, что сказать.

— Это было глупо.

— Согласен.

Ответ прозвучал неожиданно просто.

— Я мог вызвать твою реакцию, — продолжил Каэл. — И вызвал. Ошибся в том, насколько быстро ты сожмёшь ключ.

— А я ошиблась, когда подняла его.

— Тоже верно.

Мы некоторое время молчали.

Мне было странно слышать, как он без спора признаёт собственное неверное решение. До этого Каэл разговаривал так, будто каждому вопросу полагалась колкость.

— Ты мог предупредить меня обычными словами, — сказала я.

— Я предупредил.

— Сказать «положи ключ» недостаточно, если никто не объяснил почему.

— Ты права.

На этот раз я не нашлась с ответом.

Каэл заметил моё удивление.

— Что? Ожидала, что я буду спорить до утра?

— От тебя пока можно ожидать чего угодно.

— От тебя тоже.

Он слегка изменил положение на стуле. Цепь скользнула по столешнице, оставив на дереве неглубокую царапину.

— Но вернёмся к отметине, — сказал он. — Покажи руку.

Я подняла ладонь, оставаясь за линией в полу.

Каэл подался вперёд. Его взгляд стал сосредоточенным.

— Светится в темноте?

— Иногда.

— После обряда?

— Да.

— До этого на коже ничего не было?

— Нет.

— Усталость появилась?

Я вспомнила дневное ощущение, будто несколько часов тащила на плечах тяжёлую ношу.

— Да.

— Головная боль? Слабость в ногах? Иногда кажется, что камень под руками тёплый, хотя он холодный?

Последний вопрос заставил меня замереть.

— Откуда ты знаешь?

Каэл опустил взгляд.

— Значит, уже началось.

Я посмотрела на караульных.

Олин стоял неподвижно. Старший смены, напротив, внимательно изучал узор на собственном сапоге.

— Что началось? — спросила я.

Каэл поднялся.

Он подошёл к границе, обозначенной длиной цепей, и остановился. На этот раз движение было медленным, предупреждающим.

— Тебя сделали частью печати.

— Какой печати?

Он указал подбородком на каменную стену.

— Той, что удерживает Разлом.

Я ждала объяснения.

— Разлом — это место под замком?

— Под ним и гораздо глубже. В камне проходит сильный магический поток. Когда он поднимается, то может разрушать обычные защитные сооружения. В Нордвейре построили печать, которая принимает и перераспределяет эту силу.

— И какое отношение к ней имею я?

— Теперь самое прямое.

Он кивнул на мою руку.

— Ты чувствуешь его, потому что он проходит через тебя.

Мне вдруг стало холодно.

— Через меня?

— Часть нагрузки. Пока небольшая.

— Кто решил, что я должна её принимать?

— Тот, кто дал тебе ключ.

Я повернулась к старшему караульному.

— Вы знали об этом?

Он сразу выпрямился.

— Я отвечаю за охрану, госпожа. Магические вопросы относятся к ведению магистра.

— Сегодня вы несколько раз видели, как я держу ключ.

— Да.

— Вы знали, что он связан не только с дверями?

— Мне известно, что его необходимо хранить при владельце.

— И что ещё?

Мужчина помолчал.

— Остальное лучше обсудить с капитаном.

Я стиснула зубы.

Каэл тихо произнёс:

— Вот мы и вернулись к началу.

Я посмотрела на него.

— Почему мне не объяснили всё до обряда?

— Потому что тогда ты могла отказаться.

— Отказаться от чего? От замка?

— От участия.

— И что случилось бы?

— Не знаю, как они собирались тебя убеждать. Но теперь убеждать уже не требуется.

Я попыталась вспомнить каждое слово, сказанное Мартой в маленьком каменном зале.

«Соответствие наследственной линии».

«Охранные створы».

«Внутренние узлы».

Никто не произнёс слова «печать». Никто не предупредил, что мой организм может стать частью магического сооружения.

— Почему именно я? — спросила я.

— Потому что ты из рода Вальд.

— Значит, Северин не мог принять ключ?

— Он не был Вальдом по крови.

— А Лиора?

Каэл медленно выдохнул.

— Лиора принимала.

Я ждала продолжения.

— Почему перестала?

— Об этом спроси тех, кто показывал тебе наследственный акт.

— Она уехала лечиться.

Он ничего не сказал.

Но молчание оказалось таким долгим и тяжёлым, что я перестала верить собственным словам.

— Ты знаешь, где она сейчас? — спросила я.

— Нет.

— Ты уверен?

— Эйра, здесь нет смысла скрывать от тебя то, что могло бы помочь. Я не знаю, где находится Лиора.

Он выдержал паузу и добавил:

— Но если тебе говорят, что она просто уехала, потребуй доказательства.

Я хотела расспросить дальше, однако у дальней стены неожиданно раздался тихий металлический стук.

Не от цепей.

Он шёл словно из глубины камня.

Один удар, затем второй.

Каэл мгновенно повернул голову.

Я заметила, как напряглись его плечи.

— Что это? — спросила я.

Он некоторое время прислушивался.

— Камень.

— Я понимаю, что звук идёт из стены.

— Здесь старые проходы. Когда меняется давление, металл внутри кладки начинает звучать.

Объяснение было вполне разумным.

Если бы час назад я не слышала женский голос возле собственного камина.

— Иногда слышны голоса? — спросила я.

Каэл снова посмотрел на меня.

— Какие голоса?

— Женские. В моей комнате я услышала шёпот. Потом несколько ударов.

Прежняя насмешка исчезла с его лица.

— Какие именно слова?

— Не уверена, что услышала правильно. Одно слово. Кажется, «ниже».

Он посмотрел на каменные блоки за своей спиной.

— И отметина на руке тогда светилась?

— Да.

— Где твоя комната?

— Восточное крыло. Второй этаж. Возле старой лестницы.

Каэл прикрыл глаза на мгновение.

— Не трогай пока стены в тех местах, где они становятся тёплыми. И не пытайся открывать неизвестные двери ключом.

— Почему?

— Потому что ты ещё не понимаешь, на что он откликается.

— А ты понимаешь?

— Частично.

— Тогда расскажи.

Он покачал головой.

— Для этого нужно увидеть, как устроена верхняя часть печати. Я двенадцать лет не был дальше этого коридора.

Я посмотрела на его цепи.

— Если ты столько времени провёл здесь, откуда знаешь о печати?

Каэл слегка улыбнулся.

— Потому что я помогал её создавать.

Ответ застал меня врасплох.

— Ты?

— Да.

— Добровольно?

Он помедлил.

— В начале.

Я всмотрелась в его лицо.

— Что значит «в начале»?

— То, что в какой-то момент мне перестали задавать вопросы.

Он произнёс это без нажима.

Но пальцы его правой руки согнулись, и он несколько раз медленно разжал их.

— Ты участвовал в создании сооружения, которое удерживает опасную силу, — сказала я. — А потом тебя заковали внутри него?

— Достаточно точное описание.

— И двенадцать лет используют как...

Мне не хватило слова.

Каэл подсказал:

— Как удобную часть конструкции.

Я опустила глаза.

Когда отец чинил переплёт, он иногда подкладывал под сгнивший корешок полоску новой кожи. Эта полоска принимала нагрузку, чтобы старые листы не рассыпались. Если она изнашивалась, её меняли.

Но кожа не чувствовала боли.

— Почему ты не можешь просто снять оковы? — спросила я.

— Потому что они не только железные.

Он приподнял руку.

Я увидела тонкие линии, уходившие от металлического браслета под кожу. Не раны. Скорее следы, оставленные светом, который давно погас.

— Оковы удерживают мою силу. Клеймо связывает тело с уздой. Если сломать металл обычным инструментом, связь никуда не исчезнет.

— А если разрушить клеймо?

— Можно убить меня раньше, чем получится проверить результат.

Я непроизвольно сжала пальцы.

— Тогда нужна другая возможность.

— Именно.

— И ты знаешь, какая?

Он не ответил сразу.

— Не целиком. Мне известны старые принципы устройства. Но печать меняли после того, как меня заперли. Я чувствую часть её работы, однако не вижу ни новых чертежей, ни того, что происходит наверху.

Я вспомнила архивную галерею, ящики, толстые связки бумаг и старые планы.

— В замке сохранились документы.

Каэл посмотрел на меня внимательнее.

— Какие?

— Пока не знаю. Я не успела всё разобрать.

— И ты собираешься искать нужные?

— Да.

— Потому что хочешь исправить сегодняшнюю ошибку?

Я выдержала его взгляд.

— Ошибку нельзя исправить так, будто её не было. Я причинила тебе боль. Извинения этого не отменяют.

— Звучит разумно.

— Но даже если бы я ни разу не подняла ключ, мне всё равно пришлось бы разобраться, почему человек находится в описи имущества.

Каэл долго молчал.

— Не все считают это причиной, — сказал он наконец.

— Я заметила.

Из коридора донёсся кашель старшего караульного.

— Госпожа Вальд, мы уже превысили время посещения.

Я посмотрела на него.

— Ещё несколько минут.

— Мне придётся записать замечание в журнал.

— Запишите.

Он вздохнул и отвернулся.

Я снова обратилась к Каэлу.

— Если печать действительно работает через нас обоих, что будет, если я уеду?

— Ты всё ещё будешь с ней связана.

— Даже в другом городе?

— Да.

— А если откажусь от наследства?

Каэл посмотрел на мою руку.

— Магии безразлично, что ты напишешь на бумаге.

— Не всей магии, насколько я знаю.

— Этой — безразлично.

Мне не понравилось, с какой уверенностью он это сказал.

— Можно разорвать связь?

— Возможно.

— Без последствий?

— Нет.

— Для кого?

Каэл медленно подошёл ближе к столу и оперся на него свободной ладонью.

— Представь, что кто-то удерживает закрытой дверь, за которой накопилась вода. Если убрать руку, вода не исчезнет.

— Значит, печать прорвётся.

— Если разорвать её грубо и ничего не поставить взамен, да.

— И что тогда произойдёт?

Он коротко посмотрел на караульных.

— Часть долин станет непригодной для жизни. Остальным повезёт, если люди успеют уйти.

Я вспомнила женщину у моста, муку в грязи, мальчишку, который хотел помочь вытолкнуть телегу.

— Ты не преувеличиваешь?

— Хотел бы.

— Но если всё настолько опасно, зачем было делать живых людей частью защиты?

— Хороший вопрос. Задай его магистру Мальверу.

Имя показалось знакомым.

Я вспомнила печать на дневном акте.

— Орен Мальвер?

— Он самый.

— Ты его знаешь?

Каэл усмехнулся.

— Лучше, чем хотелось бы.

— Он создал печать?

— Он руководил работами. И решал, что в дальнейшем считать необходимым.

Я мысленно поставила возле его имени отметку.

Мальвер был человеком, с которым мне предстояло разговаривать. Неизвестно, когда он придет, но из слов Тарра и Марты следовало, что без него мне не позволят изменить многое в Нордвейре.

— Почему всё держится на одной семье? — спросила я. — Неужели среди всех жителей королевства не нашлось другого человека?

— Это не вопрос редкости крови. Первоначальный ключ привязали к определённой линии. Передача от одного носителя к другому теперь подчиняется установленному порядку.

— Который никто не объясняет.

— Который, возможно, никто из твоих новых слуг до конца не понимает.

Я удивилась.

— Ты не считаешь, что они все участвуют в обмане?

— Я считаю, что человек может двадцать лет исполнять приказ и ни разу не спросить, зачем он нужен. Иногда это удобнее, чем знать ответ.

Мне вспомнилось лицо Марты, когда она говорила о прежних хозяйках. Я не могла решить, чего в её молчании больше — знания или страха.

— Почему ты рассказываешь мне всё это? — спросила я.

Каэл посмотрел на меня так, будто ответ был очевиден.

— Потому что ты держишь ключ.

— Это не причина доверять.

— Кто сказал, что я доверяю?

— Тогда зачем?

Он опустил взгляд на свои руки.

— Ты можешь приказать мне замолчать. Можешь приказать стоять, пока не смогу двигаться. Можешь передать ключ человеку, который умеет пользоваться им лучше тебя. Мне нужно знать, понимаешь ли ты, что произошло.

— Теперь понимаю.

— Нет, — сказал он спокойно. — Теперь ты понимаешь начало.

Я не стала спорить.

Мы проговорили ещё несколько минут.

Я спросила, нуждается ли он в еде, чистой одежде и книгах. Он ответил, что с этим всё обстоит терпимо, если не считать качества некоторых ужинов. Сказал, что хотел бы получить сведения о последних распоряжениях по ремонту замка, но не потребовал их немедленно.

Когда я предложила снова прислать лекаря, Каэл отказался.

— Запястья заживут, — сказал он. — По крайней мере, настолько, насколько могут зажить под железом.

— Можно что-то подложить под браслеты?

— Иногда подкладывают ткань. Она быстро пропитывается влагой и начинает натирать ещё сильнее.

— А сделать крепления шире?

— Механическая часть меняется. Магическая — нет. Без согласования с ведомством караул не станет ничего трогать.

Я заметила, что он не просит невозможного. Его ответы были конкретными, как у человека, которому слишком часто предлагали красивое сочувствие вместо полезных действий.

— Тогда я начну с документов, — сказала я.

— Начни с того, что перестанешь поднимать ключ при каждом резком движении.

Я почувствовала, как лицо стало горячим.

— Справедливое замечание.

Он слегка склонил голову.

— Не ожидал, что ты согласишься.

— Ты можешь делать резкие движения, когда захочешь. Я не имею права наказывать тебя за то, что испугалась.

Каэл смотрел на меня некоторое время.

— Запомни это, Эйра.

В его голосе не было ни насмешки, ни мягкости.

Только серьёзность.

Я обещала себе действительно запомнить.

Когда караульный снова напомнил о времени, я не стала спорить. Каэл вернулся к столу и раскрыл книгу. Я уже повернулась к двери, когда он произнёс:

— Эйра.

Я остановилась.

— Да?

— Не бери у них никаких новых ключей, пока не узнаешь, к чему они подходят.

Мне хотелось ответить шуткой, но она не пришла.

— Постараюсь.

— Не постарайся. Сделай.

Я кивнула.

Перед тем как выйти, посмотрела на книгу у него на столе.

— Что читаешь?

Он взглянул на обложку.

— «О содержании каменных мостов в условиях сырого климата».

Я невольно рассмеялась.

— Серьёзно?

— Очень серьёзно. Особенное удовольствие доставляет глава о правильном выборе опор.

— Я сегодня видела один из мостов Нордвейра. Возможно, книга пригодится.

— Тогда передай барону, что деревянный настил следует менять до того, как через него провалится телега.

— Барон умер.

Каэл замолчал.

Он явно не ожидал этого ответа.

— Когда? — спросил он.

— Три недели назад.

— И тебе досталось всё?

— Замок, долги и, как оказалось, множество чужих секретов.

Он посмотрел в сторону тёмной стены.

— Северин умел откладывать неприятные решения.

— Похоже, я уже это заметила.

— Значит, мы обнаружили одну общую тему для разговора.

— Кроме мостов?

— Кроме мостов.

Впервые он, кажется, улыбнулся без желания защититься. Улыбка исчезла почти сразу, но я запомнила её.

Старший караульный проводил меня до верхнего коридора.

— У вас необычные представления о заключённых, госпожа, — заметил он, когда мы оказались на лестнице.

— Вы имеете в виду, что я разговариваю с ними?

— Что вы спрашиваете их мнения.

— О собственных ранах?

Он ничего не ответил.

Я остановилась на площадке.

— Скажите, как вас зовут?

— Борен.

— Борен, сколько лет вы служите здесь?

— Девять.

— За это время Каэл Нарис хоть раз пытался убить кого-нибудь из караула?

Мужчина помолчал.

— Нападал.

— Когда?

— Несколько лет назад.

— По какой причине?

— Отказался подчиняться при перемещении к обслуживающему проходу.

— Он был вооружён?

— Нет.

— Кто-нибудь получил серьёзные ранения?

Борен опустил взгляд.

— Один стражник сломал запястье.

— А Каэл?

— Его остановили.

Я не стала расспрашивать, каким способом. Видела достаточно, чтобы представить.

— Понимаю, — сказала я.

— Не думаю, госпожа.

Он произнёс это без неприязни.

— Я тоже не знаю, что вы успели увидеть за один вечер. Но за девять лет в этой темнице люди привыкли ко многому. Если собираетесь менять правила, придётся учитывать, что некоторым они кажутся единственным способом остаться живыми.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Вы боитесь Каэла?

Борен усмехнулся.

— Я боюсь ошибок, за которые отвечают не те, кто их совершил.

Его слова оказались неожиданно похожи на предупреждение Марты.

Каждый в этом замке словно охранял не только ворота и помещения, но и собственный способ не замечать чего-то большего.

Мы дошли до лестницы в жилое крыло.

— Спасибо, что проводили, — сказала я.

— Спокойной ночи, госпожа.

Он ушёл.

Я осталась одна.

В руке у меня по-прежнему не было ключа. Его оставили под охраной внизу, и я решила, что до утра это самое безопасное место для вещи, которой не умею пользоваться.

Однако отметина на ладони едва заметно светилась.

Я потёрла её большим пальцем правой руки.

Свет не исчез.

Вдоль коридора тянулись настенные лампы. За окнами лежала ночь, холодная и ясная. На дальнем склоне темнели дома деревни. В одном из окон ещё горел огонёк.

Я подумала о том, что люди в этих домах, наверное, считают замок защитой. Каменной стеной между их семьями и опасностью. Для них всё было гораздо проще, чем для меня: есть крепость, есть караул, есть магистр, который отвечает за магию.

И есть заключённый, которого нельзя выпускать.

Мне тоже хотелось такой простоты.

Я вернулась к себе и снова открыла записи.

На столе остались листы с замечаниями о ключе. В другом углу лежало завещание, благодаря которому я оказалась в Нордвейре.

Я положила их рядом.

В завещании не упоминались ни магическая связь с Разломом, ни обязанности хранительницы. Там говорилось о передаче имущества и долгов.

Если Каэл не ошибался, я получила намного больше обязательств, чем указано в семи страницах.

Я перечитала акт о подтверждении ключа.

Часть формулировок теперь выглядела иначе.

«Установление соответствия наследственной линии».

«Передача доступа к внутренним узлам».

«Принятие установленного порядка использования охранных сооружений».

Раньше я видела в этих словах обычную осторожность канцелярии. Теперь не могла отделаться от мысли, что кто-то старательно выбирал формулировки, допускавшие удобное толкование.

Но одного подозрения было недостаточно.

Я взяла новый лист и разделила его на две колонки.

В первой записала то, что знала наверняка.

Каэл находится в заключении двенадцать лет. Его удерживают цепи и магический механизм. Я могу привести этот механизм в действие. Дневной обряд оставил отметину на моей руке. После обряда появилась усталость и необычные ощущения возле старой кладки.

Во второй колонке оказались вопросы.

Почему Каэла заключили? Существовал ли суд? Почему клеймо реагирует на мой ключ? Что именно удерживает Разлом? Почему требуется кровь Вальдов? Что случилось с Илианой, Вераной и Лиорой? Кто установил нынешние правила? И главное — существует ли возможность прекратить это без новой жертвы?

Последний вопрос я подчеркнула.

Отец говорил, что хорошую реставрацию узнают не по тому, насколько красиво мастер закрыл повреждение, а по тому, сколько подлинного материала ему удалось сохранить. Прежде чем отрезать испорченный край листа, нужно убедиться, что другого способа нет.

В Нордвейре кто-то, похоже, привык решать любую проблему за счёт чужого тела.

Я не знала, способна ли изменить это. Но знала, что начинать надо с проверки тех решений, которые все привыкли считать единственно возможными.

Снова раздался тихий звук из стены.

Я подняла голову.

На этот раз не было голоса. Только едва заметное потрескивание, словно камень медленно остывал после сильного жара.

Я подошла к камину, но прикасаться к стене не стала.

Вместо этого отметила на листе расположение комнаты и лестницы за ней. Завтра нужно будет попросить старый план этого крыла.

Отметина на руке снова потеплела.

Я отошла к столу.

Порыв ветра ударил в окно, наверху хлопнула ставня. Звуки были обыденными, но я всё равно вздрогнула.

Я разозлилась на себя. Не за испуг, а за то, как легко позволила неизвестности управлять каждым движением.

В конце концов, я приехала сюда не маленькой девочкой, которую нужно охранять от каждой тени.

Я приехала по праву наследства.

Правда, теперь выяснялось, что кто-то считал это право удобным способом распоряжаться мной.

Я села за стол и дописала ещё несколько вопросов для капитана и Марты.

Когда свеча догорела до половины, дверь тихо скрипнула.

Я подняла голову.

На пороге стояла Марта с небольшим фонарём.

Она была без дневного передника. На плечи набросила тёмную шаль, волосы немного выбились из причёски.

— Вы ещё не спите?

— Как видите.

Её взгляд упал на разложенные бумаги.

— Капитан сказал, что вы снова спускались к заключённому.

— В замке новости распространяются быстро.

— Особенно те, которые могут доставить неприятности.

— Мне или капитану?

Марта не улыбнулась.

— Всем.

Она закрыла дверь и подошла к столу.

— Я пришла напомнить, что завтра утром необходимо проверить печати на западных воротах. При жизни барона это делал назначенный специалист, но после передачи наследства требуется ваше присутствие.

— Что именно я должна делать?

— Присутствовать.

— Только присутствовать?

— Насколько мне известно.

Я посмотрела на неё.

— Тогда до проверки хочу получить подробное описание процедуры.

Марта кивнула.

— Я передам просьбу капитану.

— Не просьбу. Условие.

Она некоторое время молчала.

— Вы очень похожи на мать, — сказала наконец.

Я не ожидала этих слов.

— Вы её знали?

— Немного. Она приезжала сюда ещё до замужества. Умела улыбаться так, что люди забывали, насколько она упряма.

Мне стало неожиданно трудно говорить.

О матери в Нордвейре почти ничего не напоминало. Её портрет не висел в кабинете. В завещании она упоминалась только как умершая дочь прежней хозяйки.

— Мне говорили, что бабушка не одобряла её выбор.

— Да.

— Из-за отца?

— Из-за того, что ваша мать сама решала, какой должна быть её жизнь.

Марта поправила край шали.

— Илиана не любила, когда ей возражали.

— Похоже, это семейное.

— Возможно.

Она посмотрела на мою ладонь.

— Отметина болит?

Я напряглась.

— Почему спрашиваете?

— После передачи ключа такое иногда случается.

— С кем?

— С прежними хранительницами.

— С Лиорой тоже?

Марта отвела глаза.

— Вам следует отдохнуть, госпожа Вальд.

— Марта.

Она остановилась у двери.

— Если вы знаете о том, что со мной может произойти, я прошу сказать сейчас.

— Я не маг, — ответила она. — И не вправе объяснять то, чего сама не понимаю.

— Но что-то вы понимаете.

Она посмотрела на меня усталым взглядом.

— Понимаю, что человеку трудно жить в доме, где каждый считает себя вправе распоряжаться чужой жизнью.

Я не нашла ответа.

Марта вышла, оставив меня среди бумаг.

Долго сидеть после этого было бессмысленно. Я потушила свечу, легла и закрыла глаза.

Сон пришёл не сразу.

Мне снился мост.

Тот самый, у верхнего брода, с покосившимся настилом и застрявшей телегой. Только теперь под ним не было воды. Внизу открывалась тёмная пропасть, из которой поднимался лиловый свет.

По мосту шёл мужчина с серебряными волосами.

Я знала, что это Каэл, хотя лица не видела.

За его спиной тянулась цепь. Другой конец находился у меня в руке.
Я пыталась разжать пальцы, но железо не отпускало.
В какой-то момент Каэл остановился и обернулся. Он не говорил ни слова, только смотрел.
Потом под ногами треснула доска.
Я проснулась, резко вдохнув.
Комната была темна. Камин почти прогорел. За окном занималась серая предутренняя мгла.
Я прижала ладонь к груди.
Сердце колотилось так, словно я действительно стояла над пропастью.
Несколько секунд я убеждала себя, что это всего лишь сон.
Потом заметила свет на левой руке.
Отметина у большого пальца тлела мягким белым сиянием. По коже вверх от неё тянулась тонкая линия, исчезающая возле запястья.
Я наблюдала, как свет медленно угасает.
Когда он пропал, осталось необычное ощущение тяжести под рёбрами.
Я села на постели и некоторое время прислушивалась к собственному дыханию.
На столе лежали два документа: завешание и акт о ключе.
За окнами Нордвейр просыпался. Во дворе хлопнула дверь, кто-то окликнул конюха, из кухни потянулся дым.
Обычное утро начиналось в доме, который ещё вчера казался мне подарком судьбы.
Я встала и подошла к окну.
Над ущельем висел холодный туман. Там, где он рассеивался, виднелись крыши нижней деревни и узкая дорога к мосту. По дороге уже шёл человек с ослом, навьюченным корзинами.
Эти люди не знали меня.
Но от решений, принятых в замке, вероятно, зависело куда больше, чем размер их дорожной пошрины.
Я попыталась представить, что просто уезжаю.
Собираю вещи, отказываюсь от наследства, возвращаюсь в мастерскую. Снова беру заказы, спорю с покупателями о цене хорошего пергамента, считаю деньги на дрова.
Каэл сказал, что расстояние не разорвёт связь.
Возможно, он ошибался. Возможно, кто-нибудь из магов предложил бы мне простой способ избавиться от отметины. Но тогда оставался бы заключённый, которого я могла остановить одной командой.
Нельзя было сделать вид, будто я не знала о нём.
Я вернулась к столу и перечитала свой список вопросов.
Первый день в Нордвейре закончился.
Я больше не была той женщиной, которая вчера вышла из кареты с надеждой обрести дом.
Я стала человеком, чья кровь откликалась на чужие цепи.
Мне предстояло выяснить, кто и зачем устроил это.

Когда в дверь постучали, я уже была одета.
На пороге стоял Олин.
— Госпожа Вальд, капитан просил передать, что документы подготовлены для вашего ознакомления.
— Хорошо. Я скоро спущусь.
Он помялся.
— И ещё...

— Что?

— Заключённый просил передать вам одну вещь.

Я невольно напряглась.

— Какую?

Олин покосился на коридор, затем заговорил тише:

— Он сказал, что вы должны считать дни.

— Какие дни?

— До большого прилива.

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

— Он назвал срок?

Солдат кивнул.

— Двадцать шесть суток.

Я молчала.

Олин явно хотел уйти, но заставил себя договорить:

— Ещё он сказал, что новая хозяйка должна знать одну вещь до встречи с магистром.

— Какую?

Солдат сглотнул.

— Его слова я запомнил точно. Он сказал: «Скажите Эйре Вальд, что её привели в Нордвейр не для того, чтобы сохранить за ней замок. Её привели, чтобы замок мог продолжать работать».

Я посмотрела на свою левую руку.

Отметина больше не светилась.

Теперь мне стало по-настоящему страшно.

Глава 3. Правила чужого дома

К завтраку я составила список из двадцати двух вопросов. Затем вычеркнула семь, потому что на них никто не собирался отвечать добровольно, а ещё три объединила в один.

Получилось тринадцать.

Число мне не понравилось, но переписывать список ради приличий я не стала.

В столовой уже горел камин. За окнами висел сырой утренний туман, сквозь который едва просматривалась противоположная сторона ущелья. На столе стояли чайник, тарелка с тёплыми лепёшками и блюдо с яблочным вареньем.

Я налила чай и развернула вчерашние записи.

Слова, переданные Олином, не выходили у меня из головы.

Меня привели в Нордвейр, чтобы замок мог продолжать работать.

Каэл не уточнил, кто именно меня привёл. Мальвер, покойный Северин или сама необходимость найти новую хранительницу. Вероятно, он тоже не знал всех обстоятельств. Но после вчерашнего обряда предположение уже не казалось бессмысленной попыткой напугать наследницу.

Наоборот. В нём было слишком много неприятной логики.

Замок принадлежал Северину, однако ключом могли пользоваться женщины из рода Вальд. Лиора исчезла якобы по болезни. Мне оставили владение, которое едва приносило доход, и торопливо провели обряд, не объяснив настоящих последствий.

Если кто-то намеренно устроил эту последовательность, мне следовало выяснить его цель.

Но прежде я хотела понять, могу ли прекратить собственное участие.

— Вы рано встали, — сказала Марта, появившись в дверях.

В руках она держала большую связку документов.

— Не уверена, что ложились, — ответила я.

— Тогда хороший завтрак вам необходим больше, чем бумаги.

Она положила папки на соседний стул и долила мне чая.

— Капитан ожидает вас через четверть часа. Я принесла хозяйственные журналы и копии распоряжений о передаче владения.

— А инструкции к ключу?

Марта поставила чайник.

— Их готовит капитан.

— Он вчера говорил, что это ваша обязанность.

— Я показываю наследникам порядок подтверждения. За магическую часть отвечает королевское ведомство.

— Почему это выяснилось только после того, как я подписала акт?

Она не отвела глаз, но отвечала не сразу.

— Мне сообщили, что вы ознакомлены с условиями наследования.

— Кто сообщил?

— Канцелярия барона. Документы прислали из города вместе с завещанием.

— Вы их читали?

— Не все.

— Какие именно прочли?

Марта тяжело опустилась на стул напротив.

— Эйра, я могу назвать цену угля, количество оставшейся муки и число людей, которым замок задолжал жалованье. Могу сказать, какая стена рухнет при следующем сильном дожде. Но я не составляла завещание, не выбирала наследницу и не устанавливала печать.

— Я не обвиняю вас во всём сразу.

— Пока нет.

Её замечание прозвучало сухо, без желания меня задеть.

Я отложила перо.

— Хорошо. Тогда начнём с того, за что вы действительно отвечаете. Кто подготовил комнату для подтверждения ключа?

— Её готовили по установленному порядку. Помещение всегда содержат закрытым.

— Вы присутствовали при обрядах прежних хранительниц?

Марта посмотрела в окно.

— При двух последних.

— Вераны и Лиоры?

— Да.

— Они знали, что станут частью магической печати?

— Насколько мне известно, их предупредили.

— А меня?

Она провела пальцем по краю своей чашки.

— Я полагала, что вас тоже.

— Однако не проверили.

— Не проверила.

Мне хотелось спросить, почему она не удивилась моей растерянности возле пластины. Почему не остановила церемонию, когда я задавала вопросы о ключе. Но я помнила выражение её лица и понимала, что спор быстро превратится в выяснение, кто виноват в уже совершённом.

Важнее было получить документы.

— Давайте договоримся, — сказала я. — Если какое-то распоряжение касается моей жизни, здоровья или возможности распоряжаться собственным телом, мне показывают его до выполнения. Даже если вам кажется, что я должна о нём знать.

Марта посмотрела на меня долгим, усталым взглядом.

— Справедливое требование.

— И ещё. В хозяйственных книгах я хочу видеть фактические расходы, а не суммы, которые удобнее показывать владельцу.

— В таком случае вас ждёт неприятное утро.

— После вчерашнего меня уже трудно удивить долгами.

— Не зарекайтесь.

Она подтолкнула ко мне верхнюю папку.

Мы начали с жалованья.

Оказалось, задержки распределялись неравномерно. Караул получал деньги из королевской казны и почти не зависел от доходов замка. Слугам, конюхам, кухонным работникам и мастерам платили из хозяйственного счёта. У части людей задолженность достигала шести недель, у других — месяца.

При этом в отчётах Северина значились новые портьеры для парадной залы, серебряные подсвечники и обслуживание гостевых помещений, которыми, судя по журналу посещений, никто не пользовался.

— Зачем заказывали портьеры, если не хватало на жалованье? — спросила я.

— Их заказали четыре года назад. Деньги каждый год переносили в новые сметы, а сам заказ никто не отменял.

— Значит, сейчас мы отменим.

— Уже отменила вчера. После вашего решения отложить ковры я проверила остальные покупки для гостевых и парадной залы. Старый заказ портьер тоже оказался лишним.

Я взглянула на неё.

— Тогда почему сумма остаётся в книге?

— Потому что бухгалтерские записи не исчезают вместе с отменённым заказом. Здесь отмечено, куда теперь пойдут средства.

Она раскрыла соседнюю страницу. Напротив суммы стояла аккуратная пометка красными чернилами.

Я почувствовала себя не слишком опытной хозяйкой.

— Понятно.

— Ничего страшного. Вы хотя бы читаете цифры.

Мы рассчитали, сколько можно выплатить работникам немедленно, не оставив замок без топлива и муки. Денег хватало на половину задолженности. Вторую часть предстояло закрыть после поступления платы за мосты и продажи старых запасов древесины.

— Только сначала проверьте, пригодна ли древесина, — сказала я.

— Проверим.

— И не продавайте то, что понадобится для крыши.

Марта посмотрела на меня поверх очков.

— Я управляю хозяйством двадцать три года, госпожа Вальд.

— А я владею им меньше суток. Нам обеим придётся привыкать.

На этот раз она всё-таки улыбнулась.

Я допила чай, взяла список вопросов и отправилась к капитану.

Вчера вечером мне казалось, что самым страшным в Нордвейре являются цепи. Утром выяснилось: гораздо хуже было то, как спокойно окружающие обращались с ними как с обычной частью хозяйства.

Тарр ждал меня в комнате рядом с караульным постом.

Помещение было обставлено просто: два письменных стола, шкаф с оружием, карта окрестностей и несколько деревянных стульев. У окна стоял высокий сундук, окованный железом. На стене висело расписание смен, составленное аккуратным мелким почерком.

Капитан поднялся при моём появлении.

— Доброе утро, госпожа Вальд.

— Надеюсь, оно будет полезным.

Я положила на стол блокнот.

Тарр посмотрел на него с выражением человека, заранее ожидающего продолжительного разговора.

— О чём вы хотите узнать в первую очередь?

— По какому решению Каэл Нарис находится в заключении?

Капитан открыл папку, подготовленную заранее.

— Вот копия постановления Совета по пограничной безопасности. Дата — двенадцать лет назад. Решение продлевалось в соответствии с установленной процедурой.

Он подвинул документ ко мне.

На плотной бумаге стояли королевские печати и подписи трёх должностных лиц. Текст был составлен настолько тяжёлым языком, что я не сразу смогла отделить обстоятельства дела от распоряжений.

Каэл Нарис, названный представителем враждебных вооружённых сил, подлежал содержанию в охраняемом помещении до устранения угрозы безопасности пограничных территорий.

Причиной указывались действия во время катастрофы у Северного Разлома, повлёкшие человеческие жертвы.

Далее следовали ограничения: запрет на перемещение без надзора, запрет передачи другим ведомствам, обязательное сохранение жизнеспособности заключённого, предоставление доступа специалистам королевской службы печатей.

Последняя формулировка заставила меня остановиться.

— Что означает «сохранение жизнеспособности»?

— Обязанность обеспечивать питание, медицинскую помощь и приемлемые условия содержания.

— Приемлемые для кого?

— Для лица, представляющего опасность.

— Он прикован двенадцать лет.

— Условия соответствуют предписаниям.

— Я видела его запястья.

— Повреждения лечат.

— Не вижу здесь срока заключения.

— Он связан с устранением угрозы.

Я перечитала постановление.

— Значит, если угрозу не устранят, его можно держать всю жизнь?

Тарр помолчал.

— Решение подлежит пересмотру.

— Когда?

— В установленном порядке.

— Это не дата.

Он сдвинул к себе папку и достал второй документ.

— Последнее продление принято семь месяцев назад.

Я внимательно изучила лист.

Он был подписан теми же ведомствами, но с другими представителями. В обосновании ссылались на заключение магистра Мальвера о невозможности безопасного прекращения содержания.

— Каэл присутствовал при пересмотре?

— Нет.

— Его представлял защитник?

— Совет рассматривал техническое заключение.

— Я спросила о защитнике.

— Процедура пересмотра чрезвычайных мер не предусматривает обычного судебного заседания.

Я положила бумагу на стол.

— А первоначальное решение? Его судили?

Тарр медленно вдохнул.

— Он был задержан во время чрезвычайных событий.

— После задержания состоялся суд?

— Нет, — ответил капитан наконец. — В обычном порядке не состоялся. Постановление принято в соответствии с чрезвычайными полномочиями Совета.

Я посмотрела на страницу с печатями.

На ней действительно не было ни приговора, ни срока наказания, ни перечня доказательств, проверенных независимым судом. Совет решил, что Каэл опасен, и приказал содержать его до прекращения угрозы. Затем само существование угрозы годами подтверждал человек, руководивший системой, в которой заключённый был необходим.

— Получается удобно, — сказала я.

— Для кого?

— Для того, кто хочет удерживать человека без суда. Достаточно раз в несколько месяцев подтверждать, что выпускать его по-прежнему опасно.

— Вы делаете вывод, не ознакомившись со всеми обстоятельствами катастрофы.

— Я делаю вывод о процедуре, капитан. Об обстоятельствах пока знаю слишком мало. Он сложил руки на столе.

— Совет действовал после гибели людей. На границе стояли вооружённые отряды. Несколько поселений пришлось эвакуировать. Нельзя оценивать те решения так, будто речь шла об обычной драке в трактире.

— Я и не оцениваю их как обычную драку.

— Тогда почему называете содержание незаконным?

— Я пока не назвала его незаконным. Я пытаюсь понять, на каком основании оно продолжается. Правильная печать на документе и справедливое решение — разные вещи.

Тарр посмотрел на меня внимательнее.

— Вы работали в суде?

— С судебными документами. В основном восстанавливала то, что люди портили водой, огнём или намеренно вырванными страницами.

— Тогда вы должны знать, что неполная копия не обязательно содержит весь объём доказательств.

— Знаю. Поэтому и хочу увидеть остальное.

— Часть материалов закрыта.

— Для меня?

— Для всех, кто не имеет допуска ведомства.

— Даже если исполнение этого решения возложено на мой замок?

— Да.

Я записала ответ.

Капитан наблюдал за пером.

— Вы собираетесь оспаривать постановление?

— Пока собираюсь его прочитать. Это, надеюсь, ещё разрешено.

Он не улыбнулся.

Мне показалось, что мы одинаково устали от разговора, хотя каждый по своей причине. Тарр видел в постановлениях способ удерживать опасность под контролем. Я видела документы, которые не позволяли проверить, действительно ли опасность требовала столь бесконечного наказания.

— Есть сведения о конкретных преступлениях Каэла? — спросила я.

— В первоначальном деле.

— Какие обвинения предъявлялись ему лично?

— Превышение полномочий во время вооружённого столкновения, действия, повлёкшие гибель людей, нарушение условий временного соглашения.

— Он признал эти обвинения?

— Мне неизвестно.

— Вы с ним разговаривали об этом?

Тарр замолчал.

— Я не следователь, госпожа Вальд. Моя задача — обеспечить выполнение действующих распоряжений.

— Вы хотя бы знаете, что именно он сделал?

— Знаю официальную версию событий.

— Тогда мы оба пока не знаем достаточно.

На это капитан ничего не ответил.

Я перелистнула постановление ещё раз и указала на строку о специальном содержании.

— Почему Каэл указан в хозяйственной описи среди имущества?

— Потому что замок обязан обеспечивать его содержание. При передаче владения обязанность переходит новому владельцу.

- Он не является собственностью замка?
- По закону — военный пленник под особым режимом.
- Но в описи записано «один пленный дроу» без указания личного статуса. Как будто речь о лошади.
- Документ составлен прежним управляющим.
- И вы считаете это нормальным?
- Тарр на мгновение отвёл взгляд.
- Я не отвечаю за хозяйственную форму описи.
- Зато отвечаете за человека, который в ней указан.
- Он сжал пальцы.
- Я отвечаю за то, чтобы он не покинул охранный контур и не причинил вреда окружающим. И за то, чтобы караульные не превысили полномочий. Если у вас имеются конкретные сведения о нарушениях, сообщите мне.
- Вчера я видела одно.
- Вы самостоятельно привели в действие охранный ключ.
- Я почувствовала, как лицо стало горячим.
- Не понимая его назначения.
- Не спорю.
- Но вы знали.
- Знал, что он способен остановить заключённого.
- И не предупредили меня до того, как я вошла?
- Капитан выдержал паузу.
- Следовало предупредить.
- Я подняла глаза.
- Тарр смотрел прямо, без привычной настороженной вежливости.
- Я полагал, что передача ключа включала объяснение его свойств, — продолжил он.
- Это было ошибочное предположение.
- Мне не стало легче от признания. Но по крайней мере передо мной оказался человек, способный произнести, что ошибся.
- Тогда давайте договоримся не предполагать там, где можно проверить, — сказала я.
- Согласен.
- Я закрыла папку.
- Мне нужны копии обоих постановлений. И сведения о порядке обжалования.
- Я могу предоставить копии тех листов, которые не относятся к закрытым материалам.
- Этого пока достаточно.
- Пока?
- Вы же сами сказали, что я не ознакомилась со всеми обстоятельствами.
- Тарр посмотрел на мой блокнот.
- Сколько у вас там вопросов?
- Осталось девять.
- Он тяжело вздохнул.
- Впервые за утро мне стало немного смешно.
- Следующий вопрос оказался самым неприятным.
- Если я откажусь от наследства, что произойдёт с ключом?
- Капитан нахмурился.
- Вы намерены отказаться?
- Я намерена выяснить, возможно ли это.
- Право владения определяется завещанием и гражданскими законами. Я не уполномочен давать юридические советы.

- Но ключ относится к охранной службе.
- Его действие связано с подтверждённой кровной линией.
- Значит, если завтра я подпишу отказ, отметина останется?
- Насколько мне известно, прекращение права собственности не отменяет завершённой магической привязки.
- А если передать замок другому человеку?
- Изменится владелец. Не обязательно хранитель.
- Я посмотрела на него.
- Выходит, замок я могу отдать, а то, что произошло со мной вчера, — нет?
- Печать устроена не по правилам наследственного права.
- Эту фразу я записала дословно.
- Она показалась мне самой важной из всего, что капитан сказал за утро.
- Тогда кто способен отменить привязку?
- Ведомство печатей.
- Магистр Мальвер?
- Да.
- Когда он приедет?
- Через несколько дней. Его ожидают на плановом осмотре перед большим приливом.
- Он знает, что ключ уже передан мне?
- Уведомление отправили вчера.
- И кто его отправил?
- Я.
- Тарр ответил спокойно.
- Впервые мне пришло в голову, что каждый вопрос в этом замке тоже куда-то отправляется и у кого-то оказывается раньше, чем я успеваю получить ответ.
- Я закрыла блокнот.
- На сегодня достаточно. А моё участие в проверке западных ворот придётся отложить, пока я не получу описание процедуры.
- Передам мастерам, — ответил Тарр. — Но у вас осталось восемь вопросов.
- Остальные я задам после того, как прочитаю документы.
- Капитан поднялся.
- У двери он остановил меня.
- Госпожа Вальд, могу дать один совет?
- Если он не связан с тем, чтобы перестать задавать вопросы.
- Не пытайтесь вмешиваться в печать самостоятельно. Даже если заключённый убедит вас, что знает безопасный способ.
- Почему вы думаете, что он будет меня убеждать?
- Потому что он хочет выйти на свободу.
- Разве это делает любое его объяснение ложью?
- Нет. Но желание может заставить человека недооценить последствия.
- Я вспомнила слова Каэла о воде за закрытой дверью.
- Он сам предупредил, что грубое разрушение печати опасно.
- Тарр выглядел удивлённым.
- Предупредил?
- Да.
- Капитан несколько секунд молчал.
- Тогда тем более не принимайте решения, пока не разберётесь.
- В этом мы согласны.

Я вышла из караульной комнаты с двумя копиями и ещё большим количеством вопросов, чем принесла.

Никогда не любила бессрочные обязательства.

В договорах они почти всегда означали, что одна сторона уверена в собственной выгоде гораздо сильнее другой.

До полудня я искала способы отказаться от наследства.

Сначала в общей книге владений. Потом в реестре передач, который Марта принесла из кабинета Северина. Затем в сборнике королевских указов, напечатанном настолько мелким шрифтом, что через час у меня начали болеть глаза.

Юридически отказаться было возможно.

Наследник мог передать владение короне, уступить другому лицу или добиться пересмотра завещания. Долги при этом следовало урегулировать отдельно. Если имущество уже принято, процедура становилась сложнее, но не была запрещена.

Я даже нашла образец заявления.

Обычный лист с местом для имени, печати и перечня передаваемого имущества.

В другой день такое открытие принесло бы облегчение.

Сейчас оно почти ничего не меняло.

В приложении к правилам пограничных владений значилось, что передача собственности не прекращает обязательств, возникших из ранее совершённого магического подтверждения. Для их изменения требовалось отдельное решение компетентного ведомства.

Я перечитала формулировку трижды.

Потом отложила книгу и потёрла глаза.

Получалось, что я могла отказаться от замка и уехать. Лишиться комнат, доходов, права отдавать распоряжения. Но продолжать ощущать ту же тяжесть под рёбрами, которая появилась после прикосновения к пластине.

Более того, я не знала, что произойдёт, если ведомство решит передать ключ другому владельцу, оставив меня связанной с печатью.

Спрашивать об этом у Мальвера, пока он распоряжался всей системой, казалось необходимым, но недостаточным.

Я записала на отдельном листе:

«Право собственности и привязка — разные вопросы. Нужна независимая проверка».

В порту у меня была знакомая нотариус, Дана Рист. Мы сотрудничали несколько лет. Она не терпела неточных формулировок и однажды отказалась удостоверить выгодный для неё договор, потому что в нём перепутали дату перехода права.

Если кто-нибудь мог объяснить гражданскую часть происходящего без оглядки на местные привычки, то Дана.

Я начала письмо.

Написала о вступлении во владение, о необычном обременении, о необходимости получить сведения об отказе от наследства после подтверждения ключа. Не стала включать в него обвинения и сведения, которых пока не могла доказать.

После нескольких строк остановилась.

Если бы письмо попало к человеку, который считал происходящее в Нордвейре вполне законным, обычный запрос мог вызвать ненужные подозрения. Однако молчание оставляло меня полностью зависимой от местного ведомства.

Я запечатала конверт своим обычным знаком — маленькой ветвью с тремя листьями, которую использовала для деловой переписки ещё в мастерской.

Письмо следовало отправить через почту ближайшего города, а не через ведомственного гонца.

Я отложила его до разговора с Мартой о доставке.

За окном уже поднялось солнце. Туман над ущельем рассеялся, и стало видно деревню на противоположном склоне.

Я обнаружила, что с утра почти не вставала из-за стола.

Пальцы испачкались чернилами. Отметина на левой руке побледнела, но стоило задержать на ней внимание, как под кожей возникало едва ощутимое тепло.

Я решила пройтись по двору.

На свежем воздухе пахло мокрыми досками и дымом. Возле конюшни двое работников разгружали мешки с зерном, а кузнец с помощником спорили над сломанной петлёй.

Я остановилась у колодца, где Нина полоскала бельё.

— Доброе утро, — сказала я.

Девушка выпрямилась так резко, что вода выплеснулась из таза.

— Доброе, госпожа.

— Продолжай полоскать, не отвлекайся на меня.

Она осторожно улыбнулась.

— Марта сказала, что вы собираетесь выплатить часть жалованья.

— Да. Сегодня или завтра, когда проверим ведомости.

— Спасибо.

— Благодарить меня пока рано. Это деньги, которые вам уже должны.

Нина посмотрела на меня с удивлением.

— Обычно так не говорят.

— А как обычно говорят?

Она помялась.

— Что надо потерпеть, потому что замку трудно.

Я посмотрела на её покрасневшие от холодной воды руки.

— Замку действительно трудно. Но это не значит, что вам легче.

Нина опустила взгляд.

— Я не жаловалась.

— Знаю.

Мы помолчали.

Во дворе раздался стук топора. Где-то за стеной заржала лошадь.

— Ты часто носишь бельё в нижнее крыло? — спросила я.

Девушка напряглась.

— Иногда.

— Каэлу?

— Да. Только теперь этим чаще занимается караул.

— Почему?

— После прошлого случая Марта велела не отправлять туда молодых служанок без сопровождения.

— Какого случая?

Нина оглянулась.

— Я вам вчера рассказывала про брата.

— Помню.

— Когда вернулась в следующий раз, один из стражников сказал, что заключённый нарочно разговаривает со слугами, чтобы выведывать новости. Меня больше не посылали.

Я посмотрела на неё.

— А он спрашивал тебя о новостях?

— Только про брата. Потом спросил, бывает ли у нас зимой много снега.

— И что ты ответила?

Нина смутилась.

— Что прошлой зимой сугробы доходили до окон нижних комнат.

Мне представилось, как Каэл слушал рассказ о снеге, который не мог увидеть.

— Что ему сейчас приносят есть?

— То же, что караулу. Только без вина и некоторых продуктов. По особой ведомости.

— Значит, голодом его не морят.

— Нет, госпожа. Марта за этим следит.

Я кивнула.

За двенадцать лет человек мог пережить тысячи одинаковых дней. Еда, осмотры, редкие книги, шаги караульных. Всё по расписанию.

Темнице даже не обязательно походить на чудовищный застенок. Достаточно отнимать у человека право выбирать.

— Нина, если увидишь Марту, передай, что я хочу обсудить почту.

— Хорошо.

Я уже собралась уйти, но девушка окликнула меня.

— Госпожа Вальд?

— Да?

Она немного помедлила.

— Пожалуйста, не говорите капитану, что я рассказала про заключённого.

— Не скажу.

Нина кивнула и снова занялась бельём.

Я пошла к хозяйственным постройкам.

По дороге меня несколько раз останавливали работники. Один просил разрешения заменить сгнившие доски у сарая. Другой жаловался на задержку доставки камня. Третий хотел знать, будет ли новая хозяйка требовать прежнюю плату за проезд через мост, который сам же нуждался в ремонте.

К обеду стало ясно, что люди пока не воспринимают меня ни спасительницей, ни врагом.

Они проверяли, можно ли со мной разговаривать.

Это было гораздо разумнее слепой веры.

Я выслушала несколько просьб, но почти никому не дала немедленного обещания. Там, где вопрос был понятным, записывала необходимую работу. Там, где не хватало сведений, просила показать расчёты.

В какой-то момент ко мне подошёл старый плотник с выцветшими глазами и деревянной меркой за поясом.

— Говорят, вы собираетесь читать старые книги барона.

— Собираюсь.

— Тогда посмотрите, нет ли там схемы западной стены. Её уже трижды укрепляли, а трещина каждый год идёт дальше.

— Почему не разобрать повреждённую кладку?

— Потому что под ней что-то старое. Камень там другой. Мой дед говорил, что стену поставили поверх прежнего хода.

Я повернулась к нему.

— Какого хода?

— Не знаю. Дед говорил, что во времена его отца понизу можно было пройти к старым мастерским. Потом всё заложили.

— Вы видели этот ход?

— Нет. Только шов в кладке.

Он показал направление.

Я посмотрела на западное крыло. Тёмные стены уходили вниз к скале, и действительно трудно было понять, где заканчивалась первоначальная постройка и начинались поздние укрепления.

— Как вас зовут?

— Гаррет, госпожа.

— Хорошо, Гаррет. Я посмотрю планы и попрошу вас показать трещину. Только ничего пока не разбирайте.

Он кивнул.

— Не собирался. Без плана там легче навредить, чем починить.

Его слова неожиданно напомнили предупреждение Каэла о печати.

В Нордвейре почти всё, что требовало ремонта, было устроено поверх чего-то более старого.

И никто не мог уверенно сказать, что произойдёт, если убрать верхний слой.

После обеда я вернулась в архив.

На этот раз искала не законы.

Мне нужны были сведения о женщинах, которые до меня принимали наследственный ключ.

Архивная галерея встретила меня запахом бумаги и прохладой. Высокие шкафы стояли вдоль стен. Большую часть переплётów покрывала тонкая серая пыль, но несколько ящиков явно открывали недавно.

Я начала с семейного реестра.

Илиана Вальд. Родилась в старой ветви семьи, вступила в брак, получила владение от своего отца. У неё было две дочери — Верана и Мира, моя мать.

Верана осталась при замке. Вышла замуж за Северина Роэна. Родила Лиору.

Моя мать уехала в портовый город, вышла замуж за переплётчика и больше не возвращалась жить в Нордвейр.

Я провела пальцем по её имени.

Мира.

Так странно было видеть его среди этих сухих записей.

Для архивной книги она оставалась строкой с датами рождения и смерти. Для меня была женщиной, которая по вечерам заплетала мне волосы, слишком громко смеялась над отцовскими неудачными шутками и однажды продала золотое кольцо, чтобы заплатить за моё обучение.

В реестре не нашлось ни слова о том, как она жила после отъезда.

Только отметка о браке, сделанная чужой рукой.

Мне хотелось закрыть книгу.

Вместо этого я открыла следующую страницу.

Илиана умерла семь лет назад. По официальным записям — вдали от замка, после продолжительной болезни.

Верана умерла три года назад. В семейной книге тоже значилось, что последние месяцы она провела на лечении.

Лиора была жива, но пометка возле её имени гласила: «Временно освобождена от управления по состоянию здоровья».

Я перечитала её несколько раз.

Не от обязанностей хранительницы.

От управления.

Формулировка могла ничего не означать. Управление замком и участие в печати были разными вещами. Но после вчерашнего мне хотелось видеть каждое различие точно.

Я достала журнал выездов.

В Нордвейре регистрировали кареты, телеги и верховых гонцов, покидавших внутренние ворота. Записи велись не всегда одинаково тщательно. Одни страницы были исписаны подробно, другие содержали только имена кучеров и количество лошадей.

Около даты предполагаемого отъезда Вераны я не обнаружила обычной отметки о её сопровождении.

Записи о перевозке больной хозяйки вообще не было.

Зато имелась строка о выезде двух ведомственных служащих с закрытым грузом.

Я нахмурилась.

Верану могли вывезти через другой проезд или раньше предполагаемой даты. Записи могли просто потерять.

Ни один из вариантов пока нельзя было исключить.

Я нашла другую книгу и сверила дату с хозяйственными расходами. На неделе предполагаемого отъезда закупали лекарства, дополнительные одеяла и топливо для отапливаемого помещения.

Необычного в этом тоже не было. В замке могли находиться другие больные.

Но почему-то мне всё меньше нравилось объяснение, что Верана просто уехала.

Я проверила записи о Лиоре.

Её официальное отсутствие началось шесть недель назад.

В журнале стояла отметка о выезде небольшой ведомственной повозки. Указывались два человека сопровождения, но имени Лиоры среди пассажиров не было. Вместо него значилось короткое обозначение «личные вещи госпожи Роэн».

Личные вещи.

Не сама госпожа Роэн.

Я положила палец на строку.

Вполне возможно, её отвезли отдельно. Однако в книге не нашлось другого выезда с подходящей датой.

Я продолжила поиски.

В отдельной папке хранилась переписка семьи. Большая часть писем относилась к хозяйственным делам: просьбы об оплате, поздравления с праздниками, извещения о приезде родственников.

Среди них я обнаружила короткую записку Лиоры, составленную примерно четыре месяца назад.

«Прошу не трогать книги в моей комнате до возвращения из северной галереи. Я сама разберу шкаф. Л. Роэн».

Подпись была быстрой, небрежной. Лиора всегда писала так, будто боялась не успеть за собственными мыслями.

Я вспомнила наши редкие письма.

Даже ребёнком она пропускала часть букв, потом втискивала их над строкой. Взрослея, стала аккуратнее, но привычка соединять некоторые знаки осталась.

В соседнем конверте лежало письмо, якобы присланное ею после отъезда.

«Дорогая Марта. Благодарю за заботу. Прошу не беспокоиться о моём здоровье и не направлять мне корреспонденцию до окончания лечения. Все необходимые сведения будут переданы через доверенное лицо. Лиора Роэн».

Текст был ровным. Почерк старательным. Подпись отличалась от той, что я видела в предыдущей записке.

Я достала лупу.

Чернила легли на бумагу аккуратно, без обычных неровностей от быстрого письма. Несколько букв имели непривычный наклон. Особенно странно выглядела заглавная «Л»: Лиора обычно начинала её с короткого резкого штриха, а здесь он был мягким и округлым.

Я сравнила оба листа.

Разница была заметной, но ещё не означала подделку.

Больной человек мог писать медленнее. Мог пользоваться непривычным пером. Ему могли помогать держать руку. Да и один образец не позволял сделать уверенный вывод.

Я посмотрела на конверт.

Почтовой печати на нём не было.

Ни отметки станции, ни имени курьера, ни даты вручения.

Только надпись: «Передать госпоже Кресс».

Возможно, письмо доставили частным посыльным. Богатые семьи часто поступали так, особенно когда не желали обсуждать собственные дела с городскими почтовыми служащими.

Однако в сочетании с отсутствующей записью об отъезде всё это выглядело не слишком убедительно.

Я отложила письмо.

Мне вдруг захотелось увидеть Лиору.

Не потому, что она могла что-то объяснить. Просто я представила кузину, которую помнила маленькой, с упрямо поднятым подбородком и вечно испачканными чернилами пальцами.

Если она действительно болела, почему никто не мог назвать мне место её лечения?

Почему нельзя было отправить ей обычное письмо?

Я взяла лист и начала писать:

«Лиора, я приехала в Нордвейр. Здесь всё оказалось значительно сложнее, чем обещали документы. Надеюсь, ты поправляешься. Мне хотелось бы поговорить с тобой, если у тебя найдутся силы...»

На этом месте я остановилась.

Письмо выглядело глупо.

Как отправить его женщине, адрес которой скрывают даже от ближайших родственников?

Я сложила лист пополам, но не запечатала.

Когда в галерею вошла Марта, я всё ещё сидела над перепиской.

— Вы нашли семейные дела, — сказала она.

— Да.

Марта поставила на стол поднос с чаем и ломтиками сыра.

— Не стоило приносить самой, — сказала я.

— Я хотела проверить, не собираетесь ли вы умереть от голода среди бумаг.

— Пока не собираюсь.

Она заметила письмо Лиоры.

На мгновение её лицо стало неподвижным.

— Где вы это нашли?

— В папке семейной переписки.

— Понятно.

— Я хочу отправить кузине письмо. Куда его адресовать?

Марта медленно поправила край подноса.

— Через доверенное лицо.

— Имя?

— Канцелярия магистра принимает корреспонденцию.

— Это не личный адрес.

— Лекари не рекомендуют беспокоить её.

— Даже коротким письмом?

— Мне передали именно такое распоряжение.

— Кто передал?

— Представитель ведомства.

Я положила письмо на стол.

— Марта, Лиора — моя двоюродная сестра. Я не видела её несколько лет. Её отец умер. Мне сообщили, что она больна. А теперь выясняется, что я не могу даже узнать, в каком городе она находится.

Марта посмотрела на меня.

— Я понимаю.

— Не похоже.

Она опустила на стул.

— Иногда родственники знают меньше, чем им хотелось бы. Особенно когда речь идёт о лечении, которое требует покоя.

— Тогда хотя бы скажите, когда вы получили её последнее письмо.

— Около месяца назад.

— Кто доставил?

— Посыльный.

— Откуда?

— Не помню.

— У вас должен быть журнал входящей корреспонденции.

— Он в моём кабинете.

— Посмотрим?

Марта поджала губы.

— Если это необходимо.

— Необходимо.

Она медленно поднялась.

— Хорошо. Но я должна предупредить: не все письма проходят через общий журнал. Иногда их передают непосредственно адресату.

— Такое тоже бывает. Однако тогда вы сможете назвать хотя бы человека, который его принёс.

Марта ничего не ответила.

Я посмотрела на обе записки Лиоры.

— Её почерк изменился, — сказала я.

— Она болела.

— Возможно.

— Вы подозреваете подделку?

— Я заметила различия. Подозрение — не доказательство.

— Тогда не спешите с выводами.

— Не собираюсь. Мне нужны другие образцы и сведения о доставке.

Марта некоторое время стояла возле двери.

— Вы очень похожи на отца, когда работаете с бумагами.

Я удивилась.

— Вы знали его?

— Видела несколько раз, давно. Он приезжал вместе с вашей матерью. Не думаю, что барон обрадовался тому визиту.

Я улыбнулась против воли.

— Отец умел не нравиться важным людям.

— Он не пытался понравиться.

— Это правда.

Марта посмотрела на мои разложенные документы.

— Только помните, Эйра: бумаги иногда сохраняют не истину, а ту версию событий, которую кто-то хотел оставить после себя.

— Поэтому я и сравниваю несколько.

Она кивнула и вышла.

Я смотрела ей вслед.

В словах Марты было здоровое замечание. Но мне не понравилось, как спокойно она про-
изнесла его именно сейчас.

Словно хотела предупредить о чём-то, не решаясь назвать это прямо.

К вечеру я успела проверить ещё два журнала.

Входящая корреспонденция подтверждала получение письма от Лиоры. Но возле даты не
значилось имени посыльного. Почти все остальные записи сопровождалась хотя бы отметкой
станции или распиской служащего.

Марта утверждала, что письмо принёс человек в форме ведомства. Кто именно — не
помнила.

Я не стала спорить.

Пока у меня были только несоответствия.

Уверенность потребовала бы большего.

Я переписала даты в блокнот, сделала осторожные пометки о подписях и убрала доку-
менты на место.

На полке возле дверей лежала толстая книга в тёмно-синем переплёте.

На корешке значилось: «Старые планы Нордвейра. Внутренние помещения». Я потяну-
лась к книге, но она оказалась неожиданно тяжёлой. Когда я выдвинула её из шкафа, послы-
шался сухой треск старого корешка.

Я осторожно положила том на стол.

Листы были плотными, сложенными в несколько раз. На первом изображалась общая
схема замка. Некоторые коридоры совпадали с теми, по которым я уже ходила, другие казались
незнакомыми.

Особенно меня заинтересовала старая лестница за моей комнатой.

На плане она продолжалась ниже второго этажа и соединялась с несколькими служеб-
ными помещениями.

Я вспомнила голос за стеной.

И слова Каэла о том, что камень может передавать звуки.

Мне захотелось немедленно сравнить старую схему с действующей. Но поздний свет
делал мелкие надписи почти неразличимыми, а разворачивать хрупкие листы одной было
опасно.

Я закрыла книгу.

Завтра.

Сегодня я уже слишком много раз пыталась получить ответы быстрее, чем позволяли
обстоятельства.

Ужин подали в небольшой столовой.

Марта приготовила для меня место возле камина, но сама осталась стоять, проверяя спи-
сок вечерних работ.

— Вы отправите моё письмо нотариусу? — спросила я.

— Завтра утром в город едет поставщик. Он может передать его на обычную почту.

— Хорошо.

Я протянула ей запечатанный конверт.

Она посмотрела на адрес.

— Дана Рист. Знакомое имя.

— Мы работали вместе.

— Надёжный человек?

— Да.

— Тогда, возможно, она поможет вам разобраться с наследственными вопросами.

— Надеюсь.

Марта убрала письмо в свою папку.

Я решила проверить отправку лично утром. Не потому, что считала управляющую лгуньей, а потому, что постепенно начинала понимать: в Нордвейре распоряжение и его выполнение не всегда означали одно и то же.

Пока я ела, в столовую вошёл Олин.

Он нёс небольшой мешочек из грубой ткани.

— Капитан велел передать, госпожа.

Я узнала форму наследственного ключа.

— Почему его принесли сюда?

— Он должен храниться у вас.

— Я оставила его под охраной.

— Капитан сказал, что теперь порядок соблюдён. Ключ помещён в защитный чехол.

Олин положил мешочек на стол.

Я не прикоснулась к нему.

— Чехол что-нибудь меняет в работе механизма?

— Не знаю, госпожа.

— Тогда передай капитану, что ключ останется в закрытом ящике моей комнаты. И никто не должен доставать его без моего разрешения.

— Хорошо.

Когда он ушёл, я взяла мешочек за край, стараясь не сжимать металл через ткань.

Ключ почти не ощущался тёплым.

Я отнесла его наверх и положила в небольшой деревянный ящик с обычным замком. Затем заперла ящик и убрала второй ключ на связку домашних.

Наследственная отметина никуда не исчезла.

Но хотя бы оружие, которым можно было отдавать приказы Каэлу, не лежало теперь в моём кармане.

Я стояла возле стола и смотрела на закрытый ящик.

Чувствовала себя нелепо.

Словно пыталась обезопасить человека, заперев вещь, которая и без того принадлежала мне.

Но я действительно не знала, что ещё могу сделать сегодня.

Потом вспомнила об ужине Каэла.

На ужин подавали густую похлёбку, тёплые лепёшки и тушёные овощи. Я съела немного и заметила, что с самого утра почти не чувствовала голода.

Но я не знала, успевает ли еда добраться до Каэла горячей.

Я спустилась на кухню.

Повариха, широкоплечая женщина с румяным лицом, чистила яблоки возле печи.

— Госпожа? Вам что-нибудь нужно?

— Я хочу узнать, что сегодня подавали в нижнее крыло.

— То же, что караулу. Похлёбку и хлеб.

— Горячее?

— Когда отправляли — да.

Она посмотрела на меня настороженно.

— Что-нибудь было не так?

— Не знаю. Я хотела бы передать Каэлу немного свежей еды.

Повариха отложила нож.

— Ему хватает порции.

— Я не сомневаюсь.

— Тогда зачем?

Вопрос прозвучал настолько искренне, что я растерялась.

Почему я хотела принести ему ужин?

Чтобы показать, что не собираюсь использовать ключ? Чтобы убедиться, что он не считает меня чудовищем? Чтобы самой почувствовать, будто сделала хоть что-нибудь полезное?

Ни одна из причин не выглядела особенно достойной.

— Наверное, потому что мне хочется поговорить с ним, — сказала я наконец. — А приходиться только с вопросами неловко.

Повариха хмыкнула.

— Тогда лучше сначала спросите, хочет ли он есть.

— Разумно.

Она поставила передо мной небольшую корзину.

— Возьмите две лепёшки, сыр и яблоко. Если не захочет, вернёте. У нас лишнего нет.

Я поблагодарила её и вышла.

На лестнице к нижнему крылу меня остановил Борен.

Он посмотрел на корзину, затем на меня.

— Снова к заключённому?

— Да.

— Вы, похоже, решили познакомиться с ним лучше, чем большинство караульных.

— Может быть, большинство слишком занято охраной.

— Мы заняты тем, за что нам платят.

Он не выглядел обиженным. Просто констатировал факт.

— Ключ с вами?

— Нет.

— Хорошо.

Я удивилась.

— Почему?

— Потому что вчера мне не понравилось, как он сработал.

— Вы были там?

— Слышал. Каменные стены хорошо передают некоторые звуки.

Он произнёс последнюю фразу почти теми же словами, что и Каэл.

— Это часто случается? — спросила я. — Что голоса слышны через стены?

Борен посмотрел на меня внимательнее.

— В старых коридорах — бывает.

— Даже если между людьми несколько помещений?

— Иногда. Особенно возле нижних шахт.

— А вы когда-нибудь слышали женский голос там, где никого не было?

Он нахмурился.

— Вы о чём, госпожа?

— Вчера ночью я слышала что-то возле камина. Возможно, звук пришёл по старому служебному ходу.

Борен помолчал.

— Не ходите туда одна.

— Почему?

— Потому что половина старых проходов перекрыта, а другая половина в плохом состоянии. Если провалится перекрытие, даже караул не сразу найдёт дорогу.

Это было вполне разумное предупреждение.

Но я заметила, что он не удивился самому вопросу.

— Вы знаете старую схему замка?

— Только нижнюю часть.

— Значит, завтра я попрошу вас показать её.

Он тяжело вздохнул.

— У вас для каждого найдётся работа, госпожа.

— К сожалению, пока больше вопросов, чем работы.

Борен отпер наружную створку.

Каэл сидел на полу возле кровати.

Перед ним была разложена книга. Он что-то отмечал на отдельном листке угольным карандашом. Когда я вошла, он не сразу поднял голову.

— Если снова пришла проверять, как действуют цепи, сегодня я не в настроении.

— Я пришла без ключа.

Он посмотрел на мои руки.

— Уже лучше.

Борен остался у двери.

Я подняла корзину.

— Принесла еду. Не знаю, нужна ли она тебе.

Каэл медленно приподнял бровь.

— У вас случился голод наверху?

— Нет.

— Тогда что это?

— Лепёшки, сыр и яблоко.

— Я знаю, как выглядят продукты.

— Хорошо. Тогда вопрос о содержимом корзины можно считать решённым.

Он закрыл книгу.

На его лице появилось выражение, которое я пока не умела расшифровывать. Не улыбка, но что-то близкое.

— Ты всегда так отвечаешь, когда не знаешь, что сказать?

— Обычно я успеваю придумать лучше.

— Значит, мне не повезло.

Я подошла к каменной полке возле решётки и поставила корзину.

— Если не хочешь, можешь не брать. Я не собираюсь считать лепёшки особой милостью.

— Это радует.

Он не поднялся за едой.

Я посмотрела на его раскрытую книгу.

— Всё ещё мосты?

— Теперь старые дороги. Ваша библиотека удивительно предсказуема.

— Ты мог попросить другие книги.

— Просил.

— И?

Он развёл руками настолько, насколько позволяли цепи.

— Судя по результату, у караула очень узкие представления о подходящем чтении.

— Что тебе нужно?

— В каком смысле?

— Книги, материалы, вещи. То, что можно принести без нарушения безопасности.

Каэл посмотрел на меня.

— Ты уверена, что хочешь услышать ответ?

— Я спросила.

— Возможность выйти за дверь.

— Ты знаешь, что я пока не могу этого сделать.

— Тогда чистую бумагу. Чернила. Новые книги. И сведения о том, что происходит в Нижних городах.

Я записала.

— О новостях попробую узнать. Что касается бумаги, её можно принести завтра.

— Если капитан не решит, что я начну строить из неё оружие.

— Вряд ли. Но, судя по нашему утреннему разговору, он способен представить угрозу даже в аккуратно сложенном заявлении.

Каэл тихо усмехнулся.

— Ты уже познакомилась с его любимыми формулировками?

— Со всеми, кроме коротких и понятных.

— Тогда считай, что знакомство состоялось.

Он наконец подошёл к корзине.

Борен передал её через предусмотренное отверстие в решётке после обычной проверки.

Каэл взял яблоко, осмотрел его и положил на стол.

— Ты сама выбирала?

— Его дала повариха.

— Разумная женщина.

— Почему?

— Не стала класть два.

Я невольно улыбнулась.

Каэл взял лепёшку, но есть сразу не стал.

— Что ты выяснила? — спросил он.

— Много неприятного.

— Прекрасное начало.

— Совет по пограничной безопасности держит тебя здесь по чрезвычайному постановлению. Обычного суда не было. Срока освобождения тоже нет.

Каэл опустил глаза.

— Это я знал.

— Зато теперь знаю я.

— И что собираешься делать?

— Для начала получить остальные документы.

— Они не дадут.

— Уже не дают.

Он усмехнулся.

— Быстро учишься.

— Я не закончила.

Я раскрыла блокнот.

— В постановлении говорится о твоих действиях во время катастрофы. Я пока не знаю, что произошло на самом деле. Но даже если обвинения верны, я хочу понять, почему решение Совета не пересматривали независимо.

Каэл долго смотрел на меня.

— Ты надеешься, что где-нибудь найдётся правильная бумага, которая отменит двенадцать лет?

— Нет. Я надеюсь найти способ установить, что именно случилось. И какие решения до сих пор можно изменить.

— Разница небольшая.

— Для меня большая.

Он отломил кусок лепёшки.

— Ты когда-нибудь видела, как люди принимают решение во время настоящей катастрофы, Эйра?

— Нет.

— Тогда не спеши считать, что всё можно было сделать иначе.

Я посмотрела на него.

— Я не считаю.

— Пока.

В его голосе появилась неприятная жёсткость.

Мне не понравилось, что он словно заранее готовился к обвинению. Но я не стала требовать объяснений прямо сейчас.

— Я умею работать с документами, — сказала я. — Это не значит, что считаю себя специалистом во всём остальном.

— Полезная привычка.

— А тебе, кажется, трудно представить, что человек может задавать вопросы, не желая тебя осудить.

Каэл задержал на мне взгляд.

— Ещё полезнее будет привыкнуть к тому, что иногда ответы не понравятся тебе сильнее вопросов.

— Переживу.

— Не все переживают.

Мы помолчали.

Он откусил лепёшку. Не поблагодарил и не сделал попытки показать особую признательность.

И почему-то именно это меня успокоило.

Мне не нужно было, чтобы Каэл благодарил за еду.

Достаточно того, что он мог решать, есть её или нет.

— Я сегодня разбирала документы о наследстве, — сказала я. — Выяснила, что могу отказаться от владения замком.

Он посмотрел на меня.

— Поздравляю.

— Но привязка к печати останется.

— Да.

— Даже если передам имущество короне?

— Да.

— Даже если уеду?

— Эйра, ты задавала мне этот вопрос ночью.

— Я искала другое объяснение.

— Нашла?

— Нет.

Каэл отложил еду.

— Тогда перестань мучить себя мыслью, что тебе достаточно заполнить нужный бланк. Бумага может изменить владельца. Не то, что уже произошло с твоей кровью.

Я посмотрела на отметину у основания большого пальца.

Она почти не отличалась от обычной тонкой царапины.

— Значит, я не смогу просто уйти.

— Сможешь.

Я подняла глаза.

— Ты же сказал...

— Уйти физически. Доехать до порта, сесть на корабль, нанять комнату, заняться своими книгами. Но связь останется. И когда печать потребует больше, ты почувствуешь её и там.

— Откуда знаешь?

Каэл указал на собственную грудь.

— Я чувствую её двенадцать лет. Расстояние здесь ничего не меняет.

— Ты никогда не выходил из замка за это время.

— Нет. Но знаю принцип устройства.

— Значит, это не проверено на мне лично.

Он посмотрел на меня с неожиданным вниманием.

— Верно. Ты можешь попытаться проверить.

— И рисковать тем, чего пока не понимаю?

— Вот именно.

Я закрыла блокнот.

Снова получилось, что мы не спорили о самом важном. Только пытались отделить возможность от желания.

— Ты хочешь, чтобы я осталась? — спросила я.

Каэл посмотрел на меня.

— Я хочу, чтобы ты поняла, где оказалась.

— А потом?

— Потом решишь сама.

Мне захотелось поверить, что он действительно оставляет выбор за мной.

Но доверять человеку, которого я знала второй день, было бы неразумно. Особенно человеку, чья свобода теперь зависела от решений, которые я ещё не умела принимать.

Я вспомнила семейные письма.

— Ты знал Верану Роэн?

Каэл перестал жевать.

Изменение было почти незаметным, но я увидела, как он медленно положил остаток лепёшки на стол.

— Да.

— Она была моей тётёй.

— Знаю.

— Мне сообщили, что последние месяцы жизни она провела вне замка. Уехала лечиться и умерла в другом месте.

Каэл не ответил.

Я продолжила:

— В журнале выездов нет записи о её отъезде. Возможно, документы потерялись. Но в переписке тоже странности.

Он опустил взгляд на собственные руки.

— Почему ты спрашиваешь меня?

— Потому что ты был здесь в то время.

— Я всегда здесь.

Последние слова прозвучали без привычной насмешки.

Я немного подалась вперёд.

— Ты видел, как Верана уезжала?

— Нет.

— Мог слышать о её отъезде?

— Много чего слышал.

— Каэл.

Он поднял глаза.

— Что?

— Мне нужна правда. Не та, которая поможет тебе добиться моего доверия. И не та, которая заставит меня ненавидеть людей из этого замка. Просто то, что ты знаешь.

Он долго смотрел на меня.

Затем отвёл взгляд к стене.

Я уже решила, что он не ответит.

— Верана иногда спускалась сюда, — сказал он наконец.

— В темницу?

— К нижним помещениям. Не всегда ко мне.

— Зачем?

— Она была хранительницей. Ей приходилось участвовать в работе печати.

— Она разговаривала с тобой?

— Иногда.

Я пыталась представить тётю, которую почти не помнила, на этих холодных лестницах. В семейной книге она выглядела уверенной женщиной с прямой осанкой и строгим взглядом. Неужели она действительно приходила в темницу и видела Каэла в цепях?

— Как она относилась к тебе?

Он усмехнулся.

— Ты хочешь услышать, что мы были друзьями?

— Хочу знать, какой она была.

Каэл некоторое время молчал.

— Упрямой. Уверенной, что знает разницу между долгом и жестокостью. И очень боялась оказаться неправой.

Мне вспомнилась Марта.

В этом доме страх признать ошибку, похоже, передавался не хуже семейных портретов.

— Она знала, что тебя удерживают без суда?

— Знала, что меня удерживают.

— И ничего не сделала?

Он посмотрел на меня.

— Не все люди, которые понимают, что происходит, готовы изменить это.

Я не могла возразить.

— Когда ты видел её в последний раз?

Он медленно повернул голову к стене за кроватью.

— Не видел.

— Что значит?

— К тому времени она почти не спускалась. Но звуки в этих коридорах передаются далеко.

Я почувствовала неприятное напряжение.

Вспомнила женский голос за камином.

Три тихих удара.

Слово, которое, возможно, мне только почудилось.

— Какие звуки? — спросила я.

Каэл посмотрел на Борена.

Караульный стоял у двери и старательно не вмешивался.

— Каэл, — повторила я. — Что ты слышал?

Он ответил после долгой паузы.

— Верана не уезжала на лечение, Эйра.

— Почему ты так уверен?

Он поднял на меня глаза.

В них не было ни насмешки, ни желания произвести впечатление.

— Потому что я слышал, как она умирала здесь, в замке.

Глава 4. Три исчезнувшие хозяйки

Всю дорогу до верхней лестницы я пыталась убедить себя, что неправильно поняла Каэла. Он сказал, что слышал смерть Вераны. Не видел её тела, не присутствовал при последних минутах жизни. Между этим утверждением и доказательством оставалось достаточно места для ошибки.

Но он помнил, как Верана спускалась к нижним помещениям, и знал, что она была хранительницей. И не выглядел человеком, получавшим удовольствие от моего потрясения.

На площадке перед жилым крылом я остановилась.

Борен терпеливо ждал, пока я поднимусь выше. Когда я обернулась, он уже собирался возвращаться к караульному посту.

— Можно задать вам вопрос?

Он посмотрел на меня с выражением человека, который за последние сутки привык к неизбежному.

— Конечно, госпожа.

— Вы служили здесь при Веране Роэн?

— Да.

— Когда её отправили лечиться, вы были в замке?

Борен медленно поправил ремень.

— Был.

— Помните день отъезда?

— Не припомню, чтобы меня ставили на сопровождение.

— Но вы ведь слышали, что она уезжает?

— Слышал, что госпожа тяжело больна.

— А потом?

— Потом сообщили о её смерти.

Он говорил осторожно, не прибегая ни к оправданиям, ни к подробностям.

— Кто сообщил?

— Через канцелярию.

— Вы видели похоронную процессию?

— Нет.

— Тело привозили?

— Насколько мне известно, нет.

Я посмотрела на него.

— Борен, если бы кто-нибудь умер здесь, в замке, но всем сообщили, что это случилось в другом месте, вы обязательно узнали бы правду?

Вопрос ему явно не понравился.

— Я служу на нижнем посту, госпожа. Не сопровождаю больных и не проверяю семейные известия.

— Значит, могли не узнать?

— Мог.

Он выдержал паузу.

— Но это не значит, что вас обманывают.

— Знаю.

— Надеюсь.

Я поблагодарила его и поднялась наверх.

Ответ не прибавил ясности. Зато подтвердил одну неприятную вещь: никто из тех, с кем я разговаривала, не мог назвать человека, видевшего Верану после её предполагаемого отъезда.

В комнате уже приготовили воду для умывания. На столе лежали мои записи и стоял закрытый деревянный ящик с наследственным ключом.

Я положила ладонь на крышку.

Внутри ничего не шевельнулось. Отметина у большого пальца не светилась.

Мне захотелось открыть ящик и внимательно рассмотреть ключ. Проверить, есть ли на нём тот же узор, что на медной пластине. Найти следы поздних изменений, о которых говорил Каэл.

Вместо этого я убрала руку.

Вчера я уже слишком легко обращалась с предметом, который не понимала.

У камина было тихо.

Я прислушалась, ожидая шёпота или стука, но услышала только слабое потрескивание почти прогоревших поленьев.

«Ниже».

Если слово мне действительно не почудилось, оно могло означать что угодно. Просьбу спуститься, предупреждение или просто обрывок чужого разговора, прошедшего через старую вентиляцию.

А ещё это могло быть обычным звуком, которому испуганное воображение придало знакомую форму.

Я записала всё, что помнила, и указала время.

После этого достала письма Вераны.

Среди семейных бумаг мне удалось найти четыре её записки, написанные за несколько лет до смерти. Три касались хозяйства. Четвёртая была адресована Северину и сохранилась без конверта.

«Нельзя бесконечно откладывать замену нижних креплений. Если ведомство снова откажет в деньгах, следует потребовать письменное заключение, а не очередное обещание. Я не намерена отвечать за последствия чужой экономии».

Я перечитала записку.

Верана писала жёстко, с нажимом. На бумаге даже остались небольшие вдавленные следы от пера.

В её словах чувствовался характер.

Совсем не тот образ покорной женщины, который возникал из коротких семейных известий о долгой болезни и тихой смерти.

Я отложила письмо.

Моя мать почти не говорила о сестре. Иногда рассказывала, как в детстве они соревновались, кто быстрее поднимется на башню, или как Верана однажды спрятала в сапоге живую лягушку, чтобы напугать строгого наставника.

После материнского замужества отношения между ними испортились. Верана писала редко, чаще присылала официальные поздравления. Не думаю, что отец испытывал желание поддерживать семейную близость с людьми, которые считали его недостаточно достойным.

Но мне всё равно было трудно представить, что тётя могла умереть в нескольких десятках шагов от пленника, а потом исчезнуть из семейных документов под удобной фразой «скончалась вдали от дома».

Я погасила свечу.

Завтра следовало сверить даты: рассказы Марты, догадки Каэла и собственный страх пока не давали ясной картины. С датами обычно было проще.

Утро встретило меня дождём.

Он начался ещё до рассвета и теперь ровно стучал по оконному стеклу. Над ущельем лежала серая пелена. Дальние склоны исчезли, а крыши деревни едва угадывались за полосами воды.

В Нордвейре пахло влажной штукатуркой.

Я узнала об этом, едва вышла в коридор: возле лестницы стояло ведро, куда с потолка размеренно капала вода.

Рядом лежала тряпка, явно пережившая не одну подобную непогоду.

— Прекрасно, — сказала я вслух. — Теперь у меня ещё и собственный водопад.

— Это не водопад, госпожа, — возразил молодой слуга, появившийся из-за поворота. —

Водопад в западном крыле.

Я посмотрела на него.

Он совершенно серьёзно поправил ведро.

— Там три ведра приходится ставить.

Мне оставалось только рассмеяться.

После завтрака я попросила Марту принести расходные книги за последние восемь лет.

Она посмотрела на меня поверх списка продуктов.

— Все?

— По крайней мере, медицинские расходы, содержание нижнего крыла и личные счета прежних хозяек.

— Это не одна книга.

— Я уже догадалась.

— Ими никто не занимался несколько лет.

— Значит, самое время.

Марта отложила список.

— Что именно вы ищете?

Я не хотела обвинять её во лжи без доказательств. Но и делать вид, будто интересуюсь хозяйственными записями исключительно из любви к цифрам, было бессмысленно.

— Хочу восстановить историю болезни Илианы, Вераны и Лиоры.

Её лицо стало строже.

— Зачем?

— Потому что две женщины умерли, а третья исчезла из замка при обстоятельствах, которые никто не может толком объяснить.

— Лиора лечится.

— Где?

— Мы уже говорили.

— И всё же вы не назвали место.

Марта посмотрела на дверь, словно проверяла, не слышит ли нас кто-нибудь.

— Госпожа Вальд, люди после тяжёлой болезни иногда не хотят, чтобы родственники знали подробности.

— Тогда Лиора могла бы написать мне об этом сама.

— Возможно, она напишет.

— Пока у меня есть только письмо, подлинность которого вызывает вопросы.

Марта резко подняла голову.

— Вы установили, что оно поддельное?

— Нет. Поэтому и хочу проверить записи.

Она помолчала.

— Хорошо. Я распоряжусь принести книги.

— И, пожалуйста, старые планы замка. Особенно восточного крыла и служебных помещений.

— Зачем вам планы?

— За моей комнатой проходит лестница. Мне нужно понять, куда она ведёт.

Марта медленно кивнула.

— Не пытайтесь пользоваться ею без мастера. Часть проходов заложена.

— Я пока собираюсь только смотреть на бумагу.

— В Нордвейре это не всегда заканчивается бумагой.

Её замечание прозвучало неожиданно мрачно.

Я подняла глаза, но Марта уже занялась хозяйственным журналом.

К полудню мой стол в архивной галерее исчез под книгами.

Медицинские расходы вели отдельно от обычных закупок. Старые тетради были переплетены в серую кожу, а последние годы записывались в длинные журналы с зелёными корешками.

Я начала с года смерти Илианы.

Бабушка умерла семь лет назад, и мне требовалось установить, когда именно её состояние ухудшилось.

Первые месяцы выглядели обычно. Плата лекарю, закупка настоек, дополнительные лекарства от бессонницы. Затем расходы начали расти.

Появились укрепляющие составы, перевязочный материал, питательные отвары, которые заказывали из столицы по высокой цене.

За два месяца до официальной смерти Илианы закупили шесть больших сосудов специального восстанавливающего раствора.

После её предполагаемого отъезда — ещё четыре.

Я проверила даты.

Ошибки не было.

Раствор привезли в Нордвейр через двенадцать дней после записи о том, что больную хозяйку отправили к лекарям в другой город.

Возможно, его приобрели для кого-то ещё.

Я сделала пометку.

Потом открыла счета Вераны.

Картина повторилась.

Сначала обычные расходы. Затем всё больше лекарств. В последние месяцы — специальные составы, увеличенная закупка чистого белья и топливо для помещения, которое в книгах обозначалось как нижняя лечебная комната.

Я остановилась.

В семейном реестре было написано, что Верану вывезли для лечения.

В хозяйственных документах продолжали оплачивать её содержание в Нордвейре.

Записи повторялись почти до самой даты смерти.

Я провела пальцем по строке:

«Дополнительный уголь. Нижний лечебный покой. По распоряжению ведомства».

Сумма была небольшой. Именно поэтому никто, вероятно, не обращал на неё внимания.

Отдельная телега угля среди десятков других телег.

Но уголь доставляли не заболевшей женщине в далёкий город.

Его приносили в помещение внутри замка.

Я ещё не знала, была ли там Верана. Однако совпадение требовало проверки.

Я достала чистый лист и выписала даты в две колонки: слева — официальные сведения о выезде, справа — расходы после него.

Потом сделала то же самое для Илианы.

К концу работы передо мной лежало два ряда, слишком похожих друг на друга.

Первую хозяйку объявили покинувшей Нордвейр, но расходы на её лечение продолжали записывать в замковые книги.

Вторую тоже.

Я откинулась на спинку стула.

Если Каэл говорил правду, мне следовало найти не просто ошибку в отчётности.
Мне следовало найти место.

За дверью слышались шаги.

Вошёл Гаррет, старый плотник, с которым я разговаривала во дворе.

Он нёс свёрнутый план и деревянную рейку.

— Госпожа Вальд, Марта сказала, что вам нужны чертежи.

— Да. Спасибо, что пришли.

Гаррет развернул план на свободном участке стола. Бумага была толстой, но края начали крошиться. Я быстро подложила под углы чистые листы.

— Осторожнее, — попросила я. — Здесь старые сгибы.

— Я его не первый раз раскрываю.

— По краям заметно.

Он хмыкнул.

— Хотите сказать, что плохо обращаюсь с бумагой?

— Хочу сказать, что ваш план пережил больше ремонтов, чем западная стена.

Гаррет рассмеялся.

Мы прижали углы небольшими деревянными брусками и принялись разбирать схему.

План оказался старше нынешнего жилого крыла. Под рисунком стояла дата почти столетней давности. Несколько помещений были подписаны старым способом, некоторые обозначения я не сразу разобрала.

Гаррет показывал, где находятся действующие лестницы, а где проходы заложили при поздних перестройках.

— Вот здесь была старая мастерская, — сказал он, коснувшись рейкой нижней части плана. — Теперь её часть занята кладовыми.

— А здесь?

— Вентиляционная шахта.

— Она проходит за моей спальней?

— Должна.

— В неё можно попасть?

— Снизу, если не перекрыли вход.

Я наклонилась ближе.

Тонкая линия на плане шла от восточного крыла, спускалась под внутренний двор и соединялась с несколькими узкими коридорами.

— Куда ведут эти коридоры?

Гаррет прищурился.

— Раньше к служебным помещениям. Здесь была старая сушильня. Тут хранили известь.

А вот эти комнаты...

Он замолчал.

— Что с ними?

— Не знаю. Подписи стёрлись.

Я внимательно рассмотрела участок.

Часть чернил действительно исчезла, но не от обычного времени. На бумаге виднелось матовое пятно, словно кто-то обрабатывал поверхность водой или слабым раствором.

Я осторожно наклонила лист к свету.

Волокна бумаги здесь были подняты.

— Эти надписи пытались удалить, — сказала я.

— Зачем?

— Пока не знаю.

Я взяла лупу.

Под повреждённым слоем проступали остатки нескольких букв, но прочитав слово целиком не получилось.

— Можно восстановить? — спросил Гаррет.

— Возможно. Только не сейчас и не на столе, который шатается при каждом движении. Он посмотрел на ножку стола.

— Могу починить.

— Лучше сначала покажите мне стены.

Мы оставили чертёж под чистой тканью и отправились осматривать восточное крыло.

Гаррет шёл медленно, время от времени останавливаясь, чтобы постучать по кладке деревянной рукоятью.

Возле моей комнаты он показал старую замурованную дверь.

Я проходила мимо неё несколько раз, даже не замечая.

Верхнюю часть закрывал шкаф с постельным бельём. Нижняя терялась за поздней штукатуркой. Только при внимательном взгляде можно было различить прямоугольный контур.

— Раньше здесь был проход? — спросила я.

— Да. Потом его заложили.

— Когда?

— До моего времени. Но штукатурку обновляли сравнительно недавно.

— Насколько недавно?

Гаррет провёл ногтем по поверхности.

— Лет пять, может, шесть. Не больше.

Я вспомнила, что Илиана умерла семь лет назад, а Верана — три.

Пять или шесть лет назад старые проходы уже могли перестраивать после смерти первой хранительницы.

Возможно, это не имело отношения к их болезням.

Но совпадение показалось неприятным.

— Почему дверь закрыли? — спросила я.

— Говорили, что ход опасен. Камень осыпался.

— Вы проверяли?

— Нет. Работу выполняли ведомственные мастера.

Опять ведомство.

Я начала замечать, что почти каждый странный участок замка в какой-то момент переходил в ведение людей, которых обычные работники не знали по именам.

Мы спустились на этаж ниже.

Здесь Гаррет показал другую заложённую нишу. Когда он постучал по ней, звук получился глухой, но не совсем такой, как у сплошной стены.

— За ней пустота? — спросила я.

— Может быть. А может, старый дымовой канал.

— Можно проверить без разрушения кладки?

— Есть способы. Но понадобится инструмент.

Он провёл рейкой вдоль шва.

Вдруг из глубины камня донёсся короткий стук.

Я замерла.

Гаррет тоже поднял голову.

— Слышали? — спросила я.

— Да.

Последовал второй удар.

Потом третий.

Я почувствовала, как по спине прошёл холод.

— Это кто-то стучит?

Гаррет нахмурился.

— Не уверен.

Он приложил ухо к стене.

Мы молча подождали.

Больше ничего не произошло.

— Может быть, работающие трубы, — сказал он. — В нижних шахтах иногда так отдаётся движение воды.

— Здесь есть водопровод?

— Старый. Сейчас не весь используется.

— А если там человек?

Гаррет посмотрел на меня.

— Тогда ему придётся находиться глубоко за стеной. С этой стороны проход заложен.

Я вспомнила ночной голос.

«Ниже».

— Можно определить, куда выходит шахта?

— По старым чертежам, если они сохранились целиком.

Я кивнула.

— Пока не вскрывайте кладку. Мне нужно понять, что находится с другой стороны.

— Разумно, госпожа.

Он посмотрел на меня с уважением, которого вчера ещё не было.

Вероятно, ожидал, что новая хозяйка прикажет немедленно ломать стену ради удовлетворения любопытства.

Я сама не была уверена, что удержалась бы от подобного решения, если бы не видела Каэла в цепях.

Теперь всякий неизвестный механизм казался мне достаточно опасным, чтобы сначала найти его схему.

Мы вернулись в архив.

Гаррет обещал принести остальные планы из мастерской, а я снова занялась медицинскими расходами.

К концу дня мне удалось восстановить три отдельные группы записей.

Илиана болела дольше всех. Её состояние ухудшалось постепенно. Расходы на лечение росли почти два года, прежде чем она умерла.

Верана, судя по журналам, начала получать дорогостоящие препараты значительно раньше официальной болезни. Последние полгода расходы выросли резко.

Лиора числилась больной уже несколько месяцев. При этом незадолго до её предполагаемого отъезда закупили те же средства, что применялись в последние месяцы жизни двух предыдущих хранительниц.

Меня тревожило не само сходство лекарств.

В семьях могли передаваться заболевания. Особенно если родственники жили в одном месте и подвергались одинаковым условиям.

Но я теперь знала, что их связывала ещё и печать.

И эта связь могла оказаться куда важнее обычного родства.

Я провела пальцем по строкам журнала.

Все три женщины становились хранительницами.

Все три постепенно начинали тяжело болеть.

Две умерли.

Третью отправили лечиться, не оставив ясного адреса.

Я не могла доказать причину болезни. Но уже не верила, что последовательность совершенно случайна.

За окном дождь усилился.

Капли стекали по мутному стеклу и сливались в длинные неровные полосы.

Я посмотрела на собственную руку.

Тонкая отметина оставалась почти невидимой.

Однако сегодня несколько раз мне приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание. Не от тяжёлой работы. Просто возникала внезапная слабость, будто я слишком быстро поднялась по длинной лестнице.

Я списывала её на недосыпание.

Теперь уже не была уверена.

На следующий день я решила заняться не болезнями умерших, а условиями содержания живого пленника.

Утром встретила с Тарром.

Он выслушал мою просьбу об осмотре Каэла с выражением плохо скрытого недовольства.

— Лекарь уже предлагал помощь.

— Знаю. Каэл отказался.

— Тогда что вы хотите изменить?

— Я видела рану на запястье. Она находится возле края оков. Возможно, ему неприятны обычные осмотры, потому что во время них его удерживают силой.

Капитан нахмурился.

— Кто вам это сказал?

— Никто. Я спрашиваю, так ли это.

— Заключение иногда сопротивляется медицинским процедурам.

— Значит, его удерживают?

— При необходимости.

— А можно предложить помощь без принуждения?

Тарр скрестил руки на груди.

— Вы хотите, чтобы лекарь снова спустился?

— Хочу, чтобы Каэлу предложили самому решить, кому он позволит обработать рану.

Если он откажется, никто не станет касаться его без необходимости.

Капитан долго смотрел на меня.

— Вы собираетесь лично участвовать?

— Если он согласится.

— Это опасно.

— У него на руках оковы.

— Они не делают его безвредным.

— Я не утверждаю обратного. Но за двенадцать лет он наверняка научился терпеть чужие прикосновения. Возможно, нам стоит попробовать другой способ.

Тарр отвернулся к окну.

— Я не могу разрешить вам оставаться с ним без охраны.

— Не прошу.

— И не позволю снимать оковы.

— Я пока не знаю, требуется ли это.

Он вздохнул.

— Хорошо. Лекарь подготовит необходимые средства. Но решение об открытии внутренней створки остаётся за караулом.

Я кивнула.

— Справедливо.

Тарр посмотрел на меня с явным удивлением.

— Вы умеете соглашаться?

— Иногда. Когда мне предлагают разумное условие.

Уголок его рта дрогнул.

В нижнее крыло мы спустились после полудня.

Лекаря звали Элвин. Это был худощавый мужчина лет шестидесяти, с очень чистыми руками и неприятной привычкой разговаривать о пациентах так, словно те не могли его слышать.

Он принёс небольшой ящик с лекарствами и сразу начал объяснять капитану, что рана вряд ли представляет серьёзную опасность.

Каэл сидел на кровати.

Когда мы вошли, он поднял голову.

— Сегодня целая делегация, — сказал он. — Мне стоит надеть парадный костюм?

— Если он у тебя есть, — ответила я.

— К сожалению, его давно съела местная моль.

Элвин открыл ящик.

— Заключённый, покажите правую руку.

Каэл не пошевелился.

— Каэл, — сказала я. — Мы пришли из-за раны. Ты можешь отказаться от осмотра. Но если позволишь, хотелось бы убедиться, что воспаление не усиливается.

Он посмотрел на лекаря.

— А этот умеет слушать слово «нет»?

Элвин недовольно сжал губы.

— Я не могу лечить пациента, который не позволяет выполнять необходимые процедуры.

— Тогда сегодня у вас выходной.

Я подняла руку, останавливая начинающийся спор.

— Давайте сначала выясним, что именно нужно сделать. Элвин, можно обработать рану без снятия оков?

Лекарь подошёл к решётке.

— Если повреждение находится снаружи металлического браслета, да. Но необходимо осмотреть.

Я перевела взгляд на Каэла.

— Ты позволишь посмотреть?

Он молчал достаточно долго, чтобы я успела пожалеть, что вообще предложила помощь.

Потом поднялся.

Подошёл ближе к светильнику и повернул правую руку ладонью вверх.

Кожа у края браслета была повреждена. На внутренней стороне запястья виднелась красная полоса, местами покрытая тонкой корочкой. Возле неё проступала свежая ссадина.

Я старалась смотреть спокойно.

Каэл заметил мою реакцию.

— Видела вещи хуже?

— На бумаге — определённо.

— Не самая полезная специальность в темнице.

— Зато я умею не рвать то, что уже повреждено.

Он чуть приподнял бровь.

Элвин приблизился.

— Нужно промыть, удалить загрязнение и обработать кожу. Пока нет признаков глубокого воспаления.

— Вы говорите так, словно это хорошая новость, — заметил Каэл.
— Это и есть хорошая новость.
— Тогда пора праздновать.
Я посмотрела на лекаря.
— Можно оставить средства и дать ему обработать рану самому?
— Можно. Но некоторые участки неудобно доставать другой рукой.
Каэл молчал.
Я не стала сразу предлагать себя.
Тарр стоял возле двери, внимательно наблюдая за каждым движением.
Лекарь достал чистое полотно, небольшую миску, флакон с раствором и баночку мази.
— Я могу помочь, — сказала я наконец. — Если ты не против.
Каэл посмотрел на меня.
— Почему ты?
— Потому что предложила.
— Этого недостаточно.
Меня раздражал не его вопрос, а то, что я не могла сразу дать внятный ответ.
— Потому что в первый вечер я причинила тебе боль, — сказала я. — И не хочу делать вид, будто это ничего не значит. Но если ты не желаешь моей помощи, это тоже будет ответом.
Он смотрел на меня ещё несколько секунд.
— Ты очень стараешься не приказывать.
— Да.
— Почему?
Я вспомнила, как он стоял неподвижно, когда вспыхнуло клеймо.
— Потому что уже один раз приказала.
Каэл опустил глаза.
— Хорошо.
Я не сразу поняла, что он согласился.
— Ты разрешаешь?
— Разрешаю обработать рану. Не трогать оковы, не пытаться снять клеймо и не изображать, будто мы стали друзьями.
— Последнее будет особенно трудно, — сказала я. — Ты ведь образец дружелюбия.
Он коротко усмехнулся.
Тарр распорядился открыть внутреннюю створку.
Я вошла в камеру с лекарственными принадлежностями. Капитан остался у двери, Борен — рядом с ним.
Каэл сел за стол.
Вблизи он казался ещё выше и худее. Рубашка свободно лежала на плечах, но под тканью угадывались сильные мышцы. На шее виднелась старая тонкая отметина, похожая на след ожога.
Я поставила миску перед ним.
— Можно взять твою руку?
Он кивнул.
Я осторожно коснулась его запястья.
Кожа оказалась тёплой.
Каэл едва заметно напрягся.
Я сразу остановилась.
— Больно?
— Нет.
— Тогда почему...

Я замолчала.

Необязательно было спрашивать. Достаточно того, что человек двенадцать лет жил в условиях, где чужие прикосновения редко означали что-нибудь приятное.

— Я буду говорить перед каждым действием, — сказала я. — Если захочешь остановиться, скажи.

Он посмотрел на меня.

— Ты всегда разговариваешь с ранами?

— Только с теми, которые могут мне ответить.

На этот раз он действительно улыбнулся.

Ненадолго, но без прежней злой насмешки.

Я смочила ткань тёплой водой и осторожно очистила кожу возле повреждения. Не пыталась залезть под металлический браслет. Там, где край оков мешал доступу, попросила Каэла повернуть руку самому.

Он выполнял просьбы молча.

Лекарь несколько раз подходил ближе, но я замечала, как напрягается плечо Каэла при каждом движении постороннего человека.

— Элвин, — сказала я, — можете оставить мазь здесь? Я позову, если понадобится помощь.

— Следует наносить очень тонкий слой.

— Я поняла.

Лекарь отступил.

Работа заняла несколько минут.

Ничего особенно сложного. Я очищала повреждённую кожу, стараясь не причинить дополнительной боли. В местах, где корочка уже подсохла, не трогала её. Затем нанесла немного мази на открытую ссадину.

Каэл наблюдал за мной с неожиданным вниманием.

— Ты делаешь это так, словно чинишь старую книгу, — сказал он.

— Кожа и пергамент плохо переносят грубое обращение.

— Сравнение не слишком лестное.

— Пергамент бывает очень дорогим.

Он тихо рассмеялся.

Я почувствовала, как собственное напряжение немного ослабло.

— Так лучше? — спросила я.

— Пока не хуже.

— Для начала достаточно.

Я положила ткань на край миски.

Возле металлического браслета оставался узкий участок покрасневшей кожи. Я не могла обработать его как следует, не изменяя положение оков.

— Здесь придётся попросить лекаря придумать что-нибудь другое, — сказала я. — Просто наматывать ткань под железо нельзя. Она намокнет и станет натирать ещё сильнее.

Каэл посмотрел на меня с лёгким удивлением.

— Ты действительно это понимаешь?

— Я умею отличать чистую повязку от мокрой тряпки.

— Некоторые здешние специалисты не видят разницы.

— Тогда попробуем добиться, чтобы они её заметили.

Я отодвинула миску.

— Готово.

Каэл осторожно согнул пальцы.

— Спасибо.

Слово прозвучало тихо и неожиданно.

Я подняла глаза.

Он смотрел не на меня, а на собственное запястье.

— Не за что.

Каэл усмехнулся.

— Вот теперь ты говоришь неправду.

Я не нашлась с ответом.

Он поднял голову.

— Не делай такого лица, Эйра. Я всего лишь поблагодарил.

— Я заметила.

— Судя по выражению, не ожидала.

— Не ожидала, что ты будешь обсуждать моё лицо.

— Придётся привыкнуть. Здесь не так много развлечений.

Я убрала принадлежности в ящик и поднялась.

Тарр открыл внутреннюю створку.

Перед уходом я обернулась.

Каэл уже собирался вернуться к книге, но задержал взгляд на моей руке.

— Отметина стала ярче.

Я посмотрела на основание большого пальца.

Тонкая линия действительно светилась сильнее, чем утром.

— Иногда так бывает.

— Когда?

— Возле стен, из-за которых доносятся странные звуки. И когда я устаю.

Его лицо стало серьёзным.

— Не игнорируй усталость.

— Я не собираюсь.

— Судя по твоему виду, отдых у тебя стоит после всех остальных дел.

— Ты следишь за моим расписанием?

— Нет. Просто ты выглядишь так, будто умеешь остановиться только тогда, когда падаешь.

Я почувствовала неожиданное раздражение.

Возможно, потому что он угадал.

— Ты меня слишком плохо знаешь, чтобы делать такие выводы.

— Верно.

Он не стал спорить.

Это почему-то раздражало ещё сильнее.

Я взяла ящик с лекарствами.

— Увидимся позже.

— Эйра.

Я остановилась.

— Да?

— Не позволяй им убедить тебя, что любая боль от печати — обычная плата за владение замком.

Я посмотрела на него.

— Они уже пытаются?

— Пока нет. Но попробуют.

Мне захотелось задать ещё несколько вопросов.

Однако Тарр ждал у двери, а Каэл выглядел уставшим после осмотра.

— Тогда я попрошу показать мне счёт, — сказала я.

Он не сразу понял.

Потом уголок его рта дрогнул.

— Какой ещё счёт?

— За удовольствие владеть замком.

— Боюсь, сумма тебе не понравится.

— Я уже видела хозяйственные книги. Хуже вряд ли будет.

Он ничего не ответил.

Но его улыбка исчезла.

Я вышла из темницы с неприятным ощущением, что последняя фраза попала слишком близко к правде.

В архив я вернулась под вечер.

Дождь прекратился, но в воздухе всё ещё висела сырость. На подоконниках собирались капли. Я попросила принести сухие полотенца и убрать бумаги подальше от окна.

Сначала собиралась закончить работу с планами.

Однако возле стола обнаружила ещё одну папку, которую раньше не замечала. На обложке значилось: «Дополнительные расходы по нижним помещениям».

Папка была старой, но несколько последних листов вставили недавно.

Я раскрыла её.

Внутри находились счета за отопление, ремонт труб, чистые простыни, лекарственные составы и питание.

Большинство строк выглядело совершенно обычными.

«Замена крана в нижней кладовой».

«Дополнительные свечи».

«Очистка водоотводного канала».

Я уже собиралась отложить папку, когда заметила отдельную колонку с короткими обозначениями.

Первые записи относились к семилетней давности.

Тогда напротив некоторых медицинских расходов стояла буква «П».

Позже рядом появилась цифра.

«П-1».

После смерти Илианы обозначение изменилось.

«П-2».

Через четыре года — «П-3».

Я замерла.

Первой хранительницей печати была Илиана.

Второй — Верана.

Третьей — Лиора.

Но я пока не знала, что означала буква.

Могла быть «палата», «поставка», «пост» или любое другое слово.

Я принялась изучать последние листы.

Большая часть расходов по третьему обозначению приходилась на последние месяцы. Некоторые суммы совпадали с медицинскими закупками, которые я уже видела в основных книгах.

Но несколько платежей были сделаны после предполагаемого отъезда Лиоры: через неделю, через две и через месяц.

Последняя запись стояла всего четыре дня назад.

Я перечитала её.

«Дополнительное содержание П-3. Питательный раствор, чистое бельё, отопление нижнего помещения».

Сумма была довольно большой.
Под ней стояла подпись служащего ведомства печатей.
Я перевернула лист.
На обороте имелась пояснительная строка, написанная более мелким почерком:
«Расходы по содержанию третьей носительницы относятся к обязательным и не подлежат сокращению без разрешения магистра».
Я долго смотрела на эти слова.
Третьей носительницы.
Не больной родственницы.
Не дочери покойного барона.
Не женщины, уехавшей к лекарям.
Носительницы.
Я снова взяла семейный реестр.
Илиана.
Верана.
Лиора.
Три женщины из рода Вальд.
Две официально умерли вдали от замка. Третья якобы лечилась неизвестно где.
И по всем трём в разное время продолжали записывать расходы, связанные с нижними помещениями Нордвейра.
Я закрыла папку, затем снова открыла и проверила дату. Четыре дня назад.
Лиора считалась отсутствующей уже шесть недель.
Я почувствовала, как в ладони начинает теплеть тонкая отметина.
За окном вечерний свет ложился на мокрую каменную кладку. Где-то внизу хлопнула дверь, послышались шаги, затем всё стихло.
Я вспомнила три коротких удара за стеной, женский голос и слова Каэла о смерти Вераны.
Теперь у меня было не доказательство, но достаточно причин перестать считать происходящее случайным совпадением.
Я взяла перо и на чистом листе написала три имени.
Илиана Вальд.
Верана Роэн.
Лиора Роэн.
Под ними вывела ещё одну строку:
«Где находились хранительницы после официального отъезда?»
Чернила ещё не успели высохнуть, когда из глубины стены донёсся слабый стук.
Один удар.
Пауза.
Ещё два.
Я не пошевелилась.
Звук был слишком тихим, чтобы уверенно назвать его человеческим сигналом.
Но на этот раз я не стала убеждать себя, что ничего не слышала.
Я медленно подняла голову и посмотрела на старый план, оставленный Гарретом.
Где-то внизу находились помещения, которых не было на современных чертежах.
А четыре дня назад кто-то оплатил отопление одного из них для третьей носительницы.
Я осторожно закрыла расходную книгу.
Впервые с момента приезда в Нордвейр мне стало страшно не из-за того, что могло находиться под замком.
А из-за того, что кто-то, возможно, находился там до сих пор.

Глава 5. Цена защиты

Утром пятого дня я обнаружила, что в Нордвейре существует ещё один вид расходов, не предусмотренный ни одним хозяйственным журналом.

Плата за молчание.

Её не записывали отдельной строкой. Не выдавали мешочками с монетами и не подтверждали расписками. Она заключалась в сохранённом жалованье, праве оставаться в тёплой комнате, возможности не задавать вопрос, после которого привычная жизнь могла закончиться.

Я подумала об этом, когда Марта пришла за расходной книгой.

Накануне я нашла запись о содержании третьей носительницы. Лиора считалась покинувшей замок уже шесть недель, но деньги на её содержание в нижнем помещении выплачивали за четыре дня до моего открытия.

Всю ночь мне хотелось отправиться к заложенной двери и потребовать её вскрыть.

Утром желание не исчезло.

Изменилась только моя уверенность в том, что я понимаю последствия.

Если за стеной действительно находилось помещение, связанное с печатью, неосторожное вмешательство могло причинить вред тому, кого я собиралась спасти. Если же записи относились к чему-то другому, я рисковала разрушить часть старого замка на основании нескольких подозрительных слов.

Поэтому я переписала необходимые строки, отметила страницы и аккуратно вернула книгу на место.

— Нашли то, что искали? — спросила Марта.

— Пока нашла несколько расходов, которым требуется объяснение.

— В каком разделе?

— Медицинском.

Её пальцы на мгновение задержались на переплёте.

— Там много старых записей.

— Именно поэтому я хотела бы сохранить книги в хорошем состоянии. Не переносите их пока из архива.

— Я не собиралась.

— Прекрасно.

Она взяла книгу.

Я посмотрела на её лицо, пытаюсь понять, знает ли управляющая о существовании нижнего лечебного помещения. Марта могла годами утверждать расходы, не видя ни одного пациента. Но могла и сама передавать лекарства людям, которые спускались туда через закрытый служебный ход.

Не имея доказательств, я не стала спрашивать.

Марта уже направилась к двери, когда снизу раздался колокольный звон.

Не привычный сигнал к смене караула.

Три коротких удара, затем два длинных.

Управляющая остановилась.

— Кого-то встречают? — спросила я.

— Прибыл ведомственный экипаж.

— Так рано?

Она повернулась ко мне.

— Видимо, магистр решил не откладывать осмотр.

Я медленно положила перо.

Орен Мальвер.

Человек, имя которого стояло почти на каждом документе, связанном с печатью.

— Его ждали сегодня?

— В течение ближайших дней. Точную дату канцелярия не сообщала.

— И насколько часто он появляется без предупреждения?

Марта не ответила сразу.

— Когда считает необходимым.

Внизу снова прозвучал колокол.

Через окно я увидела, как во двор въезжает закрытая карета. За ней следовала небольшая повозка с двумя сундуками и несколькими длинными деревянными ящиками.

На дверце кареты была нарисована серебряная шестиконечная фигура, окружённая тонким кольцом.

Я узнала знак с печати на собственном наследственном акте.

Марта подошла к окну.

— Следует подготовить малую гостиную.

— Подготовьте кабинет Северина, — сказала я. — Там находятся планы замка.

— Магистр обычно принимает отчёты в малой гостиной.

— Сегодня ему придётся изменить привычку.

Управляющая посмотрела на меня.

— Эйра, вы ещё не знакомы с этим человеком.

— Именно поэтому предпочитаю встретиться там, где под рукой будут документы.

Она чуть заметно покачала головой.

— Как пожелаете.

Когда Марта ушла, я закрыла свой блокнот и убрала его в ящик стола.

Не самый разумный поступок — прятать записи от человека, которому собираешься задавать вопросы. Но я уже усвоила, что в Нордвейре сведения распространяются быстрее, чем можно установить их достоверность.

У меня пока были только подозрения.

Показывать их человеку, который мог оказаться непосредственной причиной происходящего, я не собиралась.

Сначала хотелось услышать его объяснения.

Магистр вошёл в кабинет через двадцать минут.

Он оказался совсем не похож на человека, которого я успела представить.

Я ожидала сурового старика в тяжёлой мантии, с посохом и привычкой объявлять любое возражение угрозой государству.

Вместо него появился высокий мужчина лет пятидесяти с небольшим. Тёмные волосы у висков почти полностью поседели. На нём был дорожный сюртук хорошего покроя, без лишних украшений. Только тонкая серебряная цепочка проходила от внутреннего кармана к застёжке.

Лицо Мальвера нельзя было назвать приятным или неприятным. Оно принадлежало человеку, привыкшему внимательно слушать и редко показывать, какое впечатление производят на него чужие слова.

Он остановился в дверях и слегка склонил голову.

— Госпожа Вальд. Рад наконец познакомиться.

— Магистр Мальвер.

— Примите соболезнования в связи со смертью барона. Северин был непростым человеком, но искренне заботился о сохранении Нордвейра.

— Судя по счетам, больше всего он заботился о том, чтобы замок не рухнул до следующего года.

Мальвер сдержанно улыбнулся.

— Значит, вы уже ознакомились с хозяйством.

— С небольшой частью.

— И нашли множество проблем?

— Достаточно, чтобы перестать считать наследство безусловным подарком.

— Это обычная судьба старых владений.

Он снял перчатки и аккуратно сложил их на краю стола.

За ним вошёл молодой служащий с кожаной папкой. Мальвер попросил оставить документы и подождать снаружи.

Когда дверь закрылась, магистр сел напротив меня.

— Капитан сообщил, что подтверждение наследственного ключа прошло успешно.

— Если под успехом понимать появление отметины на руке, то да.

— Были неприятные ощущения?

— Были.

— Усталость? Необычная чувствительность к камню?

Я внимательно посмотрела на него.

— Вы знали, что такое возможно?

— Разумеется.

— Почему мне не сказали заранее?

Мальвер не смутился.

— Вам должны были объяснить характер предстоящей привязки. Если этого не сделали, я приношу извинения от имени ведомства.

— Очень удобная формулировка. Получается, ошибка произошла сама собой, без участия конкретных людей.

Он сложил руки.

— Ошибку следует установить и исправить. Но прежде необходимо разобраться, какая информация действительно отсутствовала в переданных вам документах.

Я достала копию наследственного акта.

— Вот что мне дали подписать.

Мальвер прочёл лист.

— Обычная форма.

— В ней ни разу не упоминается, что я стану частью магической печати.

— Здесь говорится о внутренних защитных узлах.

— Дверной замок тоже является защитным узлом. Однако не забирает силы у владельца дома.

Магистр поднял глаза.

— Кто сообщил вам, что печать забирает силы?

— Я испытываю слабость после обряда. И метина реагирует на определённые участки замка.

— Это естественные проявления начальной привязки.

— Каэл Нарис тоже связывает их с работой печати.

Мальвер некоторое время молчал.

— Вы разговаривали с заключённым?

— Да.

— Несколько раз, насколько я понимаю.

Я не стала спрашивать, кто именно успел отчитаться о моих посещениях.

— Он находится в замке, который я унаследовала. Было бы странно не попытаться узнать, почему его держат в цепях.

— Разумное желание.

— Тогда объясните.

Мальвер посмотрел на карту, висевшую над столом Северина.

— Двенадцать лет назад Северный Разлом пережил катастрофический выброс. Несколько долин оказались на грани уничтожения. Закрытие глубинного потока потребовало создания чрезвычайной печати. Господин Нарис участвовал в тех событиях.

— В постановлении сказано, что он виновен в гибели людей.

— Его действия действительно привели к многочисленным жертвам.

— Сколько их было?

— Сорок три человека.

Я не ожидала, что он назовёт число так быстро.

— Все люди?

— Нет. Среди погибших находились и представители его народа.

— Вы считаете его действия умышленным убийством?

Мальвер слегка наклонил голову.

— Я считаю, что в условиях катастрофы он принял решение, последствия которого невозможно оправдать одной только военной необходимостью.

— Но обычного суда не было.

— Тогда не существовало условий для обычного суда. Граница находилась под угрозой вооружённого столкновения.

— Прошло двенадцать лет.

— Опасность, к сожалению, не исчезла.

Я посмотрела на него.

— Вы говорите об опасности со стороны Каэла или со стороны Разлома?

Мальвер задержал взгляд на моём лице.

— В нынешнем устройстве защиты эти вопросы тесно связаны.

— Это не одно и то же.

— Нет, — спокойно согласился он. — Но освобождение одного участника печати способно повлиять на её устойчивость.

Он открыл папку и достал несколько листов.

На верхнем находилась схема, напоминавшая переплетение корней вокруг тёмного овала.

— Вот Северный Разлом. В глубине скалы проходит поток, который в обычные годы относительно стабилен. Однако примерно раз в двенадцать лет возникает большой прилив. Сила потока возрастает, и любые повреждения защитных сооружений становятся особенно опасными.

Я рассматривала рисунок.

— Почему для защиты понадобился человек?

— Не всякий магический поток можно удержать камнем. В некоторых сооружениях используются живые проводники, способные реагировать на изменения быстрее неподвижных элементов.

— Добровольные?

Мальвер поднял взгляд.

— Первоначальное участие господина Нариса было добровольным.

Этого ответа я не ожидала.

— Он говорил мне об этом.

— Значит, в данном вопросе мы не расходимся.

— А потом его заковали.

— После катастрофы возникла необходимость ограничить возможность самостоятельного воздействия на печать.

— При помощи устройства, которое позволяет причинять ему боль?

Мальвер посмотрел на мою левую руку.

— Вы уже столкнулись с охранным механизмом?

— Да.

— Сожалею, что это произошло без надлежащей подготовки.

— Мне нужна не жалость, магистр. Мне нужно понять, зачем такая возможность вообще существует.

Он положил ладони на стол.

— Представьте, что единственный человек, способный удержать дверь от разрушения, одновременно имеет возможность открыть её. Причём последствия открытия затронут не только его самого, но и тысячи людей.

— Вы считаете, что Каэл обязательно откроет эту дверь?

— Я не могу основывать безопасность населения на надежде, что он никогда не передумает.

— И поэтому наделили других людей правом распоряжаться его телом?

— Мы создали механизм, который позволяет остановить опасное действие до наступления необратимых последствий.

Я посмотрела на схему.

Мальвер говорил спокойно. Не повышал голос, не пытался утратить меня. Его объяснение было выстроено так, что каждый шаг казался следствием предыдущего.

И именно это тревожило.

В его рассуждении не оставалось места вопросу, действительно ли все выбранные меры были необходимы.

— Существуют другие способы защиты? — спросила я.

— Мы изучали различные варианты.

— Какие?

— Большинство требует оборудования, которое невозможно построить в нынешних условиях.

— Невозможно технически или слишком дорого?

Мальвер улыбнулся.

— Вы хорошо знакомы с хозяйственными расчётами.

— Достаточно, чтобы различать эти слова.

— Иногда они означают одно и то же.

— Только для того, кому не приходится платить собственным телом.

В кабинете стало тихо.

Магистр не обиделся. По крайней мере, виду не подал.

— Госпожа Вальд, я понимаю ваше сочувствие заключённому. Оно делает вам честь. Однако я бы предложил сначала увидеть, что именно удерживает печать.

— Каким образом?

— В нижней долине сохранился участок, пострадавший после одного из прошлых выбросов. Мы можем осмотреть его сегодня.

— Зачем?

— Потому что цифры в отчётах редко передают последствия столь же ясно, как повреждённая земля.

Я посмотрела на карту.

Ниже замка находились шесть населённых долин. Среди них — Ледяная, где недавно ремонтировали мельницу за счёт Нордвейра.

— Вы предлагаете поездку?

— Да. Если позволит погода.

За окном дождь почти прекратился.

Я вспомнила женщину у моста, просыпавшую муку на дорогу.

Возможно, стоило действительно увидеть, что находится за словами о безопасности населения.

— Хорошо, — сказала я. — Но после осмотра я хочу получить подробное объяснение обязанностей хранительницы.

— Разумеется.

Мальвер закрыл папку.

— Нам предстоит ещё многое обсудить до большого прилива.

— Когда именно он наступит?

— Вечером двадцать восьмого дня вашего пребывания в замке.

— И что должно произойти в этот день?

— Плановое обновление защитной печати. Церемония необходима для сохранения устойчивости сооружения на следующий цикл.

— Моё участие обязательно?

— Вы действующая хранительница.

— Это не ответ на вопрос о добровольности.

Мальвер посмотрел на меня чуть дольше обычного.

— Отказ от обязанностей после завершённой привязки способен создать серьёзные последствия. Поэтому сейчас разумнее говорить не об отказе, а о том, как провести необходимые действия безопасно.

Я почувствовала знакомое раздражение.

Все в Нордвейре удивительно хорошо умели обходить прямые вопросы.

— Тогда к церемонии мне потребуется полная инструкция.

— Вы её получите.

— До того, как меня попросят что-нибудь подписать или коснуться очередной пластины.

Он слегка наклонил голову.

— Справедливое условие.

Мне не понравилось, как легко он согласился.

В Ледяную долину мы отправились после полудня.

Тарр настоял на сопровождении двух караульных. Мальвер не возражал.

Карета спускалась по мокрой дороге между каменными склонами. Внизу тянулась узкая река, вспухшая после дождя. На поворотах приходилось замедлять ход, потому что обочины осыпались, а под колёсами хрустела мелкая каменная крошка.

Магистр сидел напротив меня и просматривал записки своего помощника.

Я смотрела в окно.

Ниже замка начинались поля. На террасах росли овощи, вдоль реки стояли мельницы, несколько домов теснились вокруг небольшой часовни.

Жизнь здесь не казалась богатой. Однако почти каждый клочок земли был обработан. На склонах виднелись сложенные вручную каменные стенки, удерживавшие почву.

— Сколько людей живёт в этих долинах? — спросила я.

— Около девяти тысяч, если считать маленькие поселения и отдельные хозяйства.

— Все они зависят от печати?

— Не одинаково. Ближайшие к Разлому земли наиболее уязвимы. Но при крупном разрушении пострадают и дальние районы.

— Почему люди продолжают здесь жить?

Мальвер отложил записки.

— Потому что это их дома. Здесь жили их родители. Здесь находятся поля, мельницы, дороги. Переселение девяти тысяч человек потребовало бы огромных средств и разрушило бы привычные связи между поселениями.

Я вспомнила собственную радость от получения замка.

Дом действительно означал больше, чем стены.

Особенно когда другого места у человека не было.

— Значит, печать удерживает их здесь.

— Она позволяет им жить там, где они родились.

— А если однажды перестанет работать?

— Поэтому мы следим за её состоянием.

Он произнёс это с такой уверенностью, что мне захотелось спросить, почему же в хозяйственных журналах постоянно упоминались аварийные ремонты.

Но я решила сначала посмотреть на обещанный участок.

Карета остановилась у каменного моста через небольшую речку. За ним начиналась узкая дорога к заброшенной усадьбе.

Дом стоял на пригорке.

Издали он выглядел почти целым. Крыша сохранилась, окна были закрыты досками, возле ворот росли кусты шиповника.

Но яблоневый сад перед домом погиб.

Деревья стояли голыми, хотя на соседних участках уже зеленели листья. Кора на стволах имела странный сероватый оттенок. В некоторых местах ветви словно покрылись тонкой стеклянной коркой.

Я вышла из кареты.

Под ногами хрустнула высохшая трава.

Земля была твёрдой, несмотря на вчерашний дождь. Там, где обычно должна была оставаться влажная глина, лежали светлые ломкие пластинки.

Я присела и коснулась одной.

Она оказалась холодной, но на пальцах остался едва ощутимый металлический запах.

— Что здесь произошло? — спросила я.

— Один из прошлых выбросов достиг поверхности, — ответил Мальвер. — Поток прошёл через старую каменную жилу. Почва изменилась, часть растений погибла.

— Когда?

— Несколько месяцев назад.

Я подняла глаза.

— После того выброса печать продолжила работать?

— Да. Именно поэтому повреждения ограничились этим участком.

— А дом?

— Семью переселили.

К нам подошла пожилая женщина с корзиной, прикрытой полотном. Она шла от соседнего участка и остановилась, увидев герб на карете.

Мальвер узнал её первым.

— Госпожа Олден.

Женщина настороженно поклонилась.

— Магистр.

— Как дела у вашего сына?

— Работает. Только рука ещё плохо слушается.

Мальвер кивнул.

— Лекарь продолжает осмотры?

— Раз в неделю.

Я посмотрела на её корзину.

Внутри лежали свежие корнеплоды.

— Вы живёте рядом? — спросила я.

Женщина перевела взгляд на меня.
— Через дорогу. А это раньше был сад моей сестры.
Она указала на мёртвые яблони.
— Теперь здесь даже сорняки толком не растут.
— Мне очень жаль.
— Жалость ничего не исправит.
Она сказала это без злости.
Просто как человек, которому слишком часто выражали сочувствие.
— Вы видели, что произошло? — спросила я.
— Видела начало. Сначала камень в колодце засветился. Потом вода стала горькой.
Утром листья на деревьях почернели. Через три дня сад уже не спасти было.
— Люди пострадали?
— Муж сестры обжёг руку, когда пытался вытащить ведро. У моего племянника после того неделю шла кровь из носа. Остальные успели уйти.
Я невольно посмотрела на собственную отметину.
Она не светилась.
— Почему не уехали раньше?
Женщина пожала плечами.
— А кто знал, что случится? Нам сказали, что укрепления выдержат.
Мальвер не вмешивался.
— Теперь вас предупреждают? — спросила я.
— Теперь при странном свете в колодце велено сразу уходить на верхнюю дорогу.
— И люди уходят?
— После того случая — да.
Она посмотрела на погибший сад.
— Только не все могут быстро собрать детей и стариков. А скотину куда девать? У меня две коровы. Если каждый раз бросать их, хозяйства не останется.
Я не знала, что ответить.
Мальвер заговорил после небольшой паузы.
— Мы заканчиваем установку дополнительных наблюдательных знаков. Это позволит предупреждать раньше.
Женщина кивнула.
— Хорошо бы.
Она снова посмотрела на меня.
— А вы кто будете?
— Эйра Вальд. Новая хозяйка Нордвейра.
Её лицо изменилось.
— Значит, теперь вам отвечать за дороги?
— В том числе.
— Тогда почините мост у Верхнего брода. Там скоро кто-нибудь шею свернёт.
Я невольно улыбнулась.
— Уже записала.
— И доски нужны хорошие, не те, что пролежали десять лет в сыром сарае.
— Постараюсь проверить.
— Вот и хорошо.
Она пошла дальше, оставив нас среди мёртвых деревьев.
Я смотрела ей вслед.
В этой женщине не было ни страха перед магистром, ни желания участвовать в нашем споре о правильности печати. Её волновали коровы, больная рука родственника и мост.

Вещи, от которых действительно зависела жизнь.

— Теперь понимаете? — спросил Мальвер.

Я повернулась к нему.

— Понимаю, что Разлом опасен.

— И что защита необходима?

— Да.

— Тогда наше главное разногласие уже устранено.

— Не думаю.

Мальвер поднял брови.

— Почему?

— Потому что необходимость защиты ещё не доказывает необходимость держать Каэла на цепи.

Он посмотрел на погибший сад.

— Представьте, что этот участок повреждён не частично. Представьте, что подобное произошло одновременно в шести долинах. Что вы скажете людям, если защитная печать рухнет после вашего вмешательства?

— Что следовало искать безопасное решение до того, как возникла опасность.

— Иногда безопасного решения не существует.

— Иногда его не ищут достаточно долго.

Мальвер повернулся ко мне.

Впервые за время знакомства в его лице появилось что-то более жёсткое, чем обычная вежливость.

— Госпожа Вальд, за двенадцать лет мы потратили на поддержание Нордвейра средства, которых хватило бы на строительство нескольких крепостей. Я потерял коллег и учеников. Люди работали в опасных условиях, не зная, переживут ли очередной прилив. Не следует считать, что всё это происходило исключительно из желания причинить страдание одному дроу.

Я выдержала его взгляд.

— Я и не считаю.

— Тогда поймите: любое изменение системы требует доказательств, расчётов и готовности отвечать за последствия.

— В этом я с вами согласна.

Он, кажется, ожидал другого ответа.

— Но это касается и вашего решения, — добавила я. — Двенадцать лет удерживать человека без суда — тоже изменение чужой жизни, за которое кто-то должен отвечать.

Мальвер помолчал.

Потом неожиданно кивнул.

— Вы задаёте трудные вопросы. Это хорошо. Но трудный вопрос и хороший ответ — не одно и то же.

Он направился к карете.

Я ещё несколько минут стояла у яблонь.

На соседнем участке ветер шевелил молодую листву. Здесь голые ветви едва покачивались.

Я присела возле одного дерева.

Под ногами лежали маленькие, сморщенные плоды, не успевшие созреть.

Никакой обман не мог объяснить погибший сад.

Разлом действительно был опасен.

И если я собиралась помогать Каэлу, мне предстояло помнить об этом при каждом решении.

Обратно мы ехали почти молча.

Я смотрела на дорогу, пытаясь представить, сколько времени понадобилось бы для переселения жителей ближайших деревень. Девять тысяч человек — огромная цифра для одного пограничного владения. Даже если опасность затрагивала не всех одинаково, людям требовались дома, еда, земля, работа.

В книгах переселение помещалось в несколько колонок, а в действительности затрагивало тысячи отдельных жизней.

Мальвер закрыл папку и посмотрел на меня.

— Вы, вероятно, считаете меня жестоким человеком.

— Пока считаю вас человеком, который слишком легко говорит о необходимости чужих жертв.

— А вы слишком легко предполагаете, что можно избежать любой жертвы.

— Я такого не говорила.

— Верно. Простите.

Он откинулся на спинку сиденья.

— Я работаю с этой системой двенадцать лет. Иногда начинаешь говорить с людьми так, будто они уже знакомы с выводами, к которым ты сам пришёл давно.

Мне не понравилось, что он способен признавать незначительную ошибку так спокойно. Это делало его труднее для понимания.

— Вы знали Илиану Вальд? — спросила я.

— Хорошо знал.

— Она тоже была хранительницей?

— Первой в нынешнем устройстве печати.

— И умерла от болезни?

Мальвер посмотрел в окно.

— Её здоровье ухудшалось несколько лет.

— Из-за печати?

Он не ответил сразу.

— Длительная работа с сильной магией способна влиять на организм. Но у вашей бабушки были и другие заболевания.

— Какие?

— Я не врач, госпожа Вальд. Точные диагнозы следовало бы смотреть в медицинских записях.

— У меня есть эти записи.

Он повернул голову.

— И что вы обнаружили?

Я вспомнила строку о третьей носительнице.

— Много дорогих лекарств.

— К сожалению, возраст и болезнь редко обходятся дёшево.

Он сказал это спокойно.

Я не стала продолжать.

Если он действительно знал, что Илиана умерла от истощения, простой вопрос не заставил бы его признаться.

А если не знал, я пока не имела оснований обвинять его.

— Верана тоже была хранительницей? — спросила я.

— Да.

— И Лиора после неё?

— Совершенно верно.

— Тогда почему владение перешло мне, если Лиора жива?

— Она больше не способна выполнять необходимые обязанности.

— Из-за болезни?

— Да.

— Где она лечится?

Мальвер сложил папку.

— Под наблюдением специалистов.

— Вы можете назвать город?

— Её состояние требует ограниченного круга контактов. Мне не хотелось бы нарушать распоряжения врачей.

— Я родственница.

— Понимаю.

— Тогда передайте ей, что я хочу получить письмо от неё лично.

Он слегка склонил голову.

— Разумеется.

Я смотрела на него.

— И не через доверенное лицо, которое неизвестно даже управляющей.

— Я передам ваше пожелание.

Слова были вежливыми.

Но я уже начинала понимать, насколько мало они означают без конкретного действия.

Когда показались башни Нордвейра, Мальвер снова заговорил.

— Вам необходимо беречь силы. Впереди подготовка к большому приливу. Я распоряжусь, чтобы специалисты проводили регулярные осмотры.

— Мне понадобится знать, какие именно процедуры они собираются выполнять.

— Конечно.

— И я хочу получить копии всех заключений.

— Если они не содержат закрытых сведений.

Я посмотрела на него.

— Надеюсь, сведения о состоянии моего собственного тела не относятся к государственными тайнам.

Он едва заметно улыбнулся.

— Нет, госпожа Вальд. Не относятся.

Мне очень хотелось ему верить.

В замке нас встретили известием о небольшой неполадке.

В западном служебном коридоре несколько часов подряд нагревалась каменная кладка. Мастера проверяли старые металлические соединения, но пока не нашли причины.

Мальвер сразу направился туда.

Я пошла следом.

Коридор находился ниже кухонного крыла. Здесь хранили инструменты, запасные крепления, верёвки и уголь для отдельных печей. Вдоль одной стены проходили толстые металлические полосы, уходившие под пол.

Двое мастеров стояли возле раскрытой ниши.

Один держал фонарь, другой осторожно проверял соединение металлическим щупом.

Воздух пах нагретым железом.

— Что обнаружили? — спросил магистр.

— Температура растёт, господин. Но основная линия цела.

— Где именно?

Мастер показал на нижний угол ниши.

Мальвер присел, коснулся камня тонким металлическим инструментом и нахмурился.

— Возможно, перераспределение после подтверждения нового ключа. Запишите изменение в журнал. До моего разрешения не разбирайте кладку.

Я посмотрела на него.

— Это связано со мной?

— Система привыкает к новому хранителю.

— Разве раньше такого не происходило?

— Каждый переход имеет особенности.

Он поднялся.

— Ничего опасного на данный момент.

Слова были успокаивающими.

Но мастер не выглядел спокойным.

Он продолжал смотреть на нагретую нишу, словно сомневался, что стоит оставлять её без внимания.

Я запомнила его лицо.

— Как вас зовут? — спросила я.

— Матвей, госпожа.

— Вы работаете здесь постоянно?

— Десятый год.

— Если температура снова поднимется, сообщите капитану и мне.

Мальвер посмотрел на меня.

— Достаточно сообщить дежурному специалисту.

— Я бы тоже хотела знать, что происходит в моём замке.

Он помолчал.

— Разумеется.

Вечером магистр попросил подготовить зал для проверки печати.

Я настояла на присутствии.

Тарр встретил нас у нижней лестницы. В этот раз он выглядел более напряжённым, чем обычно.

Мальвер шёл впереди, разговаривая с помощником о показаниях измерительных пластин. Они упоминали цифры, направления и названия элементов, которых я не знала.

Я старалась запоминать хотя бы последовательность действий.

Возле двери темницы магистр остановился.

— Прежде чем продолжим, необходимо проверить состояние основного проводника.

Я посмотрела на него.

— Каэла?

— Да.

Тарр открыл створку.

Каэл сидел за столом.

На нём была чистая рубашка, рукава которой он закатал до локтей. Правая кисть лежала на книге. Повязки на запястье не было: рану обработали, но край оков оставался открытым.

Когда Каэл увидел Мальвера, выражение его лица изменилось.

Он не вскочил и не попытался подойти.

Просто перестал двигаться.

Магистр вошёл до охранной линии.

— Господин Нарис.

Каэл медленно закрыл книгу.

— Магистр.

В одном этом слове оказалось больше неприязни, чем в десятке самых едких его замечаний.

Мальвер, похоже, не заметил.

— Как ваше самочувствие?

— Достаточно хорошее, чтобы разговаривать.

— Замечательно.

— Вы ведь приехали не ради моего здоровья.

— Ваше состояние имеет непосредственное значение для работы печати.

Каэл посмотрел на него.

— Никогда в этом не сомневался.

Магистр обратился к помощнику.

— Запишите: проводник в сознании, ориентирован, двигательные функции сохранены.

Я не выдержала.

— Вы собираетесь осмотреть его или составить отчёт по внешнему впечатлению?

Мальвер повернулся.

— Первичная оценка проводится визуально.

— Тогда запишите и то, что у него повреждены запястья. И что после первого срабатывания узды он некоторое время не мог нормально стоять.

Помощник замер с пером.

Магистр медленно посмотрел на меня.

— Эти сведения подтверждены врачом?

— Врач осматривал рану вчера. А действие узды я видела лично.

— В таком случае внесите, — сказал Мальвер помощнику.

Каэл смотрел на нас обоих.

— Как трогательно. Наконец-то моё запястье стало официальным обстоятельством.

— Господин Нарис, — спокойно произнёс магистр, — вы знаете, что состояние проводника влияет на безопасность тысяч людей.

— Знаю.

— Поэтому мы обязаны поддерживать вашу жизнеспособность.

— Вы всегда прекрасно умели подбирать слова.

Мальвер не ответил.

Он вынул небольшую металлическую пластину и поднял её перед собой.

По поверхности пробежали светлые линии.

Каэл резко поднялся.

Я заметила, как натянулись мышцы его шеи.

— Что вы делаете? — спросила я.

— Проверяю равномерность потока.

— При помощи него?

— Он является частью печати.

— Ему больно?

Мальвер посмотрел на показания.

— Процедура может вызывать неприятные ощущения.

Каэл коротко выдохнул.

— Удивительно точное определение.

— Можно прекратить проверку? — спросила я.

Магистр поднял глаза.

— Она необходима.

— Сколько ещё?

— Несколько мгновений.

Я посмотрела на Каэла.

Он стоял неподвижно, не отрывая взгляда от Мальвера. Лицо оставалось спокойным, но правая рука медленно сжималась в кулак.

Наконец свет на пластине погас.

Магистр убрал прибор.

— Показания удовлетворительные.

Каэл медленно опустил плечи.

— Рад, что вы довольны.

Мальвер повернулся ко мне.

— Видите, госпожа Вальд? Основной проводник остаётся достаточно устойчивым. Это хорошая новость.

Я смотрела на Каэла.

Он не отвечал.

И вдруг мне стало ясно, почему его так раздражали разговоры о собственном состоянии.

В этом помещении никто не спрашивал, хорошо ли ему.

Спрашивали, насколько долго он ещё сможет выполнять назначенную функцию.

Мальвер продолжил проверку, а я осталась возле решётки.

Когда помощник вышел за капитаном, Каэл тихо произнёс:

— Ты ездила в долину.

Я удивилась.

— Откуда знаешь?

— На обуви светлая пыль. Она появляется там, где поверхность повредил поток. Возле замка такой почвы нет.

Я посмотрела на сапоги.

Он был прав.

На боковой части остался беловатый налёт.

— Видела погибший сад, — сказала я.

Каэл опустил глаза.

— Значит, он показал тебе последствия.

— Да.

— И объяснил, что без печати всё станет хуже.

— Да.

Каэл усмехнулся.

— Предсказуемо.

— Ты считаешь, что он солгал?

— Нет.

Ответ прозвучал настолько прямо, что я замолчала.

Каэл поднял на меня глаза.

— Разлом действительно опасен. Если печать разрушится сейчас, люди погибнут.

— Тогда ты понимаешь, почему я не могу просто приказать открыть дверь.

Он посмотрел на цепи.

— Я и не прошу тебя разрушать печать наугад.

— А что просишь?

— Разобраться, что именно удерживает поток, а что удерживает меня.

Я вспомнила его слова об узде.

Клеймо, оковы и управляющий контур.

Отдельные части устройства.

— Ты думаешь, это разные вещи?

— Знаю, что они не полностью совпадают.

— Тогда почему раньше не сказал прямо?

Каэл посмотрел на приближавшегося помощника.

— Потому что ещё не знаю, сколько изменений внесли за двенадцать лет. И потому что некоторые разговоры лучше вести без людей, которые записывают каждое слово.

Я не стала настаивать.

Мальвер вернулся к нам.

— Госпожа Вальд, на сегодня проверка закончена. Завтра специалисты осмотрят нижние соединения. Вам необходимо отдохнуть.

— Я хочу присутствовать.

— При технических работах?

— Да.

— Не вижу пользы.

— Зато я вижу пользу в том, чтобы понимать устройство, от которого теперь зависит моя жизнь.

Мальвер посмотрел на меня с привычной выдержанной вежливостью.

— Хорошо. Но вы будете выполнять распоряжения ответственного мастера.

— Если они необходимы для безопасности.

Он слегка улыбнулся.

— Вы всегда оставляете за собой последнее слово?

— Только когда речь идёт о моей жизни.

Мы вышли.

За спиной остался тихий металлический звон.

Я не обернулась.

И всё же несколько минут мне казалось, что он продолжает звучать где-то внутри меня.

Ночью я снова плохо спала, хотя в стене было тихо. Думала о погибшем саде, о женщине с корзиной, требовавшей починить мост, о Каэле под холодным светом измерительной пластины. И о Мальвере, который говорил о тысячах жизней так уверенно, словно давно решил, сколькими людьми можно пожертвовать ради остальных.

На следующее утро я получила копию предварительного расписания церемонии.

Документ был составлен подробно. В нём перечислялись дни проверок, подготовка материалов, медицинские осмотры хранильницы и завершающая процедура на пике большого прилива.

Я внимательно изучила каждую строку.

Слово «жертва» нигде не встречалось.

Не было и упоминания о смерти.

Но в разделе подготовки значились укрепляющие составы и обязательный покой за несколько дней до церемонии.

Я вспомнила медицинские расходы Илианы и Вераны.

Те же препараты.

Те же требования к отдыху.

Я положила расписание рядом со своими записями.

Возможно, хранильниц действительно просто поддерживали перед тяжёлой магической работой.

Возможно, эти средства были обычной частью лечения.

Но почему тогда две женщины умерли, а третья исчезла?

И почему никто не мог объяснить, сколько именно сил забирала печать?

Я собиралась вызвать Марту, когда за дверью раздались быстрые шаги.

Олин вошёл без обычной осторожности.

Лицо у него было бледным.

— Госпожа Вальд, простите. В западном служебном коридоре повреждение.
Я поднялась.
— Какое?
— Камень нагревается. Один из мастеров получил ожог. Магистр и капитан уже там.
Я вспомнила вчерашнюю нишу.
— Людей вывели?
— Часть. Но двое ещё находятся возле нижней площадки. Нужно забрать инструменты и закрыть внутренний проход.
— Инструменты можно оставить.
— Там измерительное оборудование ведомства.
— Оно дороже людей?
Олин открыл рот, затем закрыл.
— Я передам.
Я взяла плащ и вышла.
В западном коридоре стоял запах раскалённого камня.
Он оказался совсем не похож на дым от печи. Воздух был сухим, с металлическим привкусом, и от него неприятно щипало в горле.
Возле входа собрались караульные и рабочие.
Матвей сидел на скамье, прижимая к левой руке влажную ткань. На щеке у него выступили красные пятна.
Тарр отдавал распоряжения.
— Никого к нише. Отведите людей за вторую дверь. Оставить проход свободным.
Мальвер стоял перед раскрытой кладкой с измерительной пластиной.
По камню проходили тонкие светлые прожилки.
Я остановилась.
Вчера они были едва заметны.
Теперь свет собирался вокруг металлического соединения, будто под поверхностью двигалась горячая жидкость.
— Что произошло? — спросила я.
Тарр повернулся.
— Госпожа Вальд, вам здесь нельзя находиться.
— Что произошло?
— Давление в служебной линии выросло. Мастера пытаются стабилизировать соединение.
— Люди внутри остались?
— Один рабочий и помощник магистра. Они проверяют нижний затвор.
Из глубины коридора донёсся глухой удар.
Пол под ногами едва заметно дрогнул.
Я схватилась за выступ стены.
Отметина на руке вспыхнула.
Мальвер резко обернулся.
— Отойдите от кладки!
Я послушалась.
Свет под камнем погас, затем возник снова.
Матвей выругался сквозь зубы.
— Так вчера не было.
— Что изменилось? — спросила я.
— Внутренний канал будто начал работать в обратную сторону.
Мальвер повернул к нему голову.

— Это ещё не установлено.
— Я сам видел показания!
— Не делайте выводов без полной проверки.
Из нижнего прохода выбежал молодой служащий.
— Господин магистр, заслонка не поддаётся! Там слишком горячо!
— А мастер?
— Пытается выйти. Но часть кладки осыпалась возле лестницы.
Тарр сразу направил двух караульных к проходу.
Мальвер поднял измерительную пластину.
Свет на ней вспыхнул и погас.
Он нахмурился.
— Основной поток смещается к западному соединению.
— Что нужно сделать? — спросил Тарр.
— Закрывать боковую линию и открыть резервный сброс.
— Где управление?
— За нижней площадкой.
Капитан посмотрел на проход.
Оттуда вырывался горячий воздух.
— Люди не успеют.
Мальвер стиснул пластину.
— Тогда придётся удерживать давление до прибытия специалистов.
— Сколько времени?
— Не знаю.
Впервые я услышала в его голосе неуверенность.
И она испугала меня сильнее всех предупреждений о Разломе.
Снова раздался удар.
На стене появилась тонкая трещина.
Свет просочился через неё и исчез.
Матвей попытался подняться.
— Госпожа, нужно открыть старую боковую заслонку. Если её не заклинило...
— Вы знаете где она? — спросила я.
— Помню прежнюю схему. Только её меняли несколько лет назад.
Мальвер резко произнёс:
— Не предпринимайте ничего без проверки!
Я посмотрела на него.
Он изучал пластину, пытаясь получить устойчивые показания.
Времени на спор не было.
И вдруг я вспомнила Каэла.
Он чувствовал работу печати через камень.
Знал старое устройство.
И находился всего в нескольких коридорах отсюда.
— Тарр, — сказала я, — Каэл может определить, куда смещается поток?
Капитан повернулся.
— Заключение не участвует в оперативном управлении.
— Я спросила, способен ли он определить направление.
— Теоретически да.
— Тогда мне нужно поговорить с ним.
Мальвер поднял голову.
— Госпожа Вальд, это не время для бесед с заключённым.

— Именно сейчас мне нужен человек, который знает старую схему.

— У меня есть специалисты.

— Они не могут добраться до затвора. А ваши приборы не дают точных показаний.

Мальвер посмотрел на меня.

На мгновение в его лице появилось раздражение.

Потом он снова стал спокойным.

— Если господин Нарис способен помочь, я не стану препятствовать. Но любые действия должны проходить через ответственную службу.

— Согласна.

Я повернулась к Тарру.

— Проводите меня.

Капитан коротко кивнул Олину.

— Остаёшься здесь. Запоминай все распоряжения и передавай мастерам. Никто не входит в повреждённый проход без моего разрешения.

Мы почти бегом спустились к темнице.

По дороге отметина на руке несколько раз вспыхивала.

Камень под ногами дрожал.

Я старалась не думать о том, что находится глубже.

У решётки Каэл уже стоял.

Он услышал нас раньше, чем мы подошли.

— Западная линия, — сказал он вместо приветствия.

Я остановилась.

— Ты знаешь?

— Она дрожит третий час. Что произошло наверху?

— Служебное соединение перегрелось. В нижнем проходе осыпалась кладка. Мастера не могут открыть затвор.

Каэл нахмурился.

— Какой именно?

— Я не знаю. Матвей говорил о старой боковой заслонке.

— Сколько металлических полос входит в нишу?

Я попыталась вспомнить.

— Три видимые. Одна толстая и две тонкие.

— С какой стороны толстая?

— Слева.

Каэл резко поднял голову.

— Тогда они смотрят не на основной узел.

— Объясни.

— Значит, после перестройки верхний канал перенесли. Толстая полоса, судя по расположению, идёт к старому соединению. Оно больше не должно принимать основную нагрузку.

— Но принимает.

— Значит, где-то заклинило распределитель.

Тарр шагнул ближе.

— Вы уверены?

— Нет, капитан. Я здесь стою в цепях и изучаю камень с помощью надежды. Но если вы расскажете, что видели, смогу дать более точный ответ.

Я почувствовала почти неуместное желание улыбнуться.

Тарр, к его чести, не стал спорить.

Он описал повреждённую нишу.

Каэл слушал очень внимательно.

Несколько раз перебивал, требуя уточнить расположение полос и характер света.

— Свет идёт по краю соединения или из глубины трещины?

— Из глубины, — ответила я. — Потом собирается вокруг железа.

— А пол дрожит непрерывно?

— Нет. Короткими толчками.

— С каким промежутком?

Я попыталась вспомнить.

— По нескольку секунд. Промежутки неравномерные.

Каэл прикрыл глаза.

Потом положил ладонь на каменную стену.

Цепь тихо звякнула.

Он стоял неподвижно, прислушиваясь к едва заметным колебаниям.

Прошла почти минута.

Я уже хотела спросить, слышит ли он что-нибудь, когда Каэл открыл глаза.

— Поток уходит не туда, куда показывает прибор Мальвера.

— Куда?

— В старый приёмный карман под западной площадкой. Если давление продолжит расти, верхний шов не выдержит.

Тарр нахмурился.

— Что делать?

— Открыть малую сбросную заслонку, пока основная линия закрыта. Не трогать большой затвор.

— Где она находится?

Каэл быстро объяснил расположение механизма.

Я запоминала каждое слово.

Небольшая боковая ниша справа от нижней лестницы. Два крепления. Белая метка на камне, если её не закрыли при ремонте. Рукоять нужно повернуть не полностью, а на четверть оборота, чтобы поток начал уходить в пустую приёмную камеру.

— Если открыть больше, карман переполнится, — добавил Каэл. — Тогда удар вернётся в верхнюю стену.

Тарр повторил указания.

Каэл кивнул.

— И сначала убедитесь, что людей вывели с нижней площадки. Даже малый сброс опасен возле открытого соединения.

— А если заслонка не поддастся? — спросила я.

— Тогда не пытайтесь ломать её силой. Нужно уменьшить давление на верхней линии, но для этого потребуется точная схема.

— У магистра есть измерительные приборы.

— Пусть проверит направление ещё раз. Только не по одному показанию.

Я повернулась к капитану.

— Нужно возвращаться.

Тарр посмотрел на Каэла.

— Вы можете ошибаться.

— Могу.

— И люди погибнут.

Каэл выдержал его взгляд.

— Поэтому я и сказал не трогать большой затвор.

Капитан кивнул.

Мы побежали обратно.

В западном коридоре ситуация ухудшилась.

Свет под камнем стал ярче. На полу лежали несколько отколовшихся пластин, а воздух дрожал от жара.

Олин встретил нас у двери.

— Мастер вышел! Обжёг плечо, но живой. Помощник тоже выбрался.

Я почувствовала облегчение.

По крайней мере, теперь никто не оставался непосредственно возле повреждения.

Мальвер стоял у ниши.

— Что сказал заключённый?

Тарр быстро передал его объяснение.

Магистр нахмурился.

— Старая сбросная заслонка давно выведена из обычного управления.

— Она сохранилась? — спросила я.

— Возможно.

— Тогда её можно проверить.

— Не наугад.

— Каэл назвал место и порядок действия. Ваши мастера могут сверить это со схемой.

Мальвер посмотрел на помощника.

— Принесите старый план западного соединения.

Служащий побежал.

Матвей поднялся со скамьи.

— Белая метка там есть, — сказал он. — Я видел её, когда чистили проход прошлой зимой.

Мальвер повернулся к нему.

— Почему не сообщили раньше?

— Потому что спрашивали про основной затвор.

Несколько секунд магистр молчал.

Потом резко кивнул.

— Хорошо. Проверяем малую заслонку. Без людей на нижней площадке.

Я отступила вместе с остальными.

Караульные отводили работников за вторую дверь. Лекарь перевязывал плечо пострадавшему мастеру. Олин передавал распоряжения, стараясь не перепутать последовательность.

Я стояла возле стены и смотрела, как двое специалистов входят в боковую нишу.

Отсюда я почти не видела их действий.

Только слышала голоса.

— Метка есть!

— Два крепления?

— Да!

— Проверить рукоять!

Потом металлический скрежет.

Один из мастеров выругался.

— Не идёт!

Мальвер поднял руку.

— Не применяйте силу!

Я вспомнила предупреждение Каэла.

— Может, проверить, не забит ли паз? — спросила я. — Механизм старый.

Матвей кивнул.

— Там извести могла набиться.

Мастер у ниши опустился на колено. Несколько секунд работал коротким инструментом, потом снова взялся за рукоять.

Раздался сухой щелчок.

— Пошла!

Мальвер резко произнёс:

— Четверть оборота. Не больше.

Мы замерли.

Сначала ничего не произошло.

Потом из глубины стены донёсся глухой, протяжный звук. Будто далеко под землёй сдвинули огромную каменную плиту.

Пол дрогнул.

Я схватилась за край дверного проёма.

Отметина на руке вспыхнула так ярко, что я увидела свет даже сквозь ткань рукава.

На мгновение мне показалось, будто под рёбрами что-то сильно сжали.

Я согнулась, стараясь вдохнуть.

— Госпожа! — Олин шагнул ко мне.

— Всё нормально, — выговорила я.

Это было неправдой.

Но я ещё могла стоять.

Свет в повреждённой нише начал слабеть.

Сначала медленно, затем заметнее.

Матвей осторожно подошёл к камню с измерительной пластиной.

— Температура падает!

Кто-то облегчённо выдохнул.

Мальвер продолжал смотреть на прибор.

— Не закрывать заслонку. Ждать полного выравнивания.

Прошла ещё минута.

Дрожь под ногами прекратилась.

Воздух постепенно перестал казаться раскалённым.

Я опустилась на ближайшую скамью, чувствуя неприятную слабость в руках.

Тарр подошёл ко мне.

— Вы ранены?

— Нет.

— Тогда почему побледнели?

— Когда открыли заслонку, я почувствовала сильный удар.

Он посмотрел на мою руку.

Отметина уже гасла.

— Следует сообщить магистру.

— Он и так, вероятно, заметил.

Мальвер действительно направился к нам.

— Госпожа Вальд, вам необходимо отдохнуть. Перераспределение потока могло вызвать кратковременную реакцию нового хранителя.

— Насколько кратковременную?

— Обычно несколько минут.

— А если повторится?

— Мы скорректируем нагрузку.

Я подняла голову.

— На кого?

Мальвер остановился.

— Что вы имеете в виду?

— Если через меня проходит часть потока, значит, когда его становится больше, кто-то должен принимать дополнительную нагрузку.

— Система распределяет её между своими элементами.

— Живыми тоже?

Он посмотрел на меня внимательно.

— В том числе.

Я почувствовала холод, несмотря на жаркий воздух коридора.

— И это вы называете безопасной работой?

— Мы только что предотвратили серьёзное повреждение сооружения, госпожа Вальд. Вы испытали неприятную, но кратковременную реакцию. Взамен люди остались живы.

Я не ответила.

Потому что именно сейчас он не лгал.

Мастера действительно выбрались из опасного прохода. Каменная стена выдержала. Поток ушёл туда, где не должен был причинить вреда людям.

И всё же я не могла перестать думать о том, что почувствовала, когда открылась заслонка.

Если такой слабости оказалось достаточно от небольшой аварии, что произойдёт во время большого прилива?

Мальвер уже повернулся к капитану.

— Необходимо провести полную проверку западного соединения. До завершения работ закрыть служебный проход. Матвея отправить к лекарю. Отдельно зафиксировать показания до и после открытия заслонки.

Тарр кивнул.

Я поднялась.

— Магистр.

Он обернулся.

— Да?

— Каэл определил направление потока правильно.

— В данном случае — да.

— А ваши приборы первоначально показывали другое.

— Показания были неустойчивыми.

— Значит, его знания могут быть полезны.

Мальвер несколько секунд смотрел на меня.

— Разумеется. Он участвовал в создании системы.

— Тогда почему его держат в условиях, где даже разговор с ним считается нарушением порядка?

Лицо магистра осталось спокойным.

— Потому что полезность человека не отменяет опасности, которую он представляет.

— И опасность не отменяет его полезности.

— Верно.

Он слегка склонил голову.

— Сегодня мы в этом убедились.

Сказав это, он направился к повреждённой нише.

Мне не понравилось, что даже после происшествия Мальвер сумел сохранить последнюю фразу за собой.

В темницу я вернулась перед ужином.

На этот раз без корзины.

В руках у меня был небольшой свёрток чистой бумаги и бутылочка чернил. После утреннего разговора с капитаном я получила разрешение передать Каэлу письменные принадлежности. Тарр настоял только на том, чтобы перо было деревянным, без металлического наколеника.

Я не спорила.

Каэл сидел на кровати, вытянув ноги.

Когда я появилась, он поднял голову.

— Западная стена ещё стоит?

— Стоит.

— Значит, заслонка открылась.

— Да.

Он коротко кивнул.

— Хорошо.

Я попросила Борена передать свёрток через решётку.

Каэл развернул бумагу, посмотрел на чернила и деревянное перо.

— Неужели капитан разрешил?

— После долгих переговоров.

— Значит, ты действительно умеешь убеждать людей.

— Не всегда.

Он поставил бутылочку на стол.

— А мастера?

— Все живы. Один получил ожог плеча, другой повредил руку. Остальные обошлись испугом.

Каэл опустил взгляд.

— Могло быть хуже.

— Могло.

Я прислонилась плечом к холодному камню возле двери.

Некоторое время мы молчали.

— Ты знал, что малая заслонка сработает? — спросила я.

— Знал, как она должна работать.

— Но её могли изменить.

— Да.

— И всё равно предложил.

Каэл поднял глаза.

— Я предложил проверить, а не открыть наугад.

— Магистр сначала хотел использовать основной затвор.

— Если поток действительно шёл по старой линии, это могло ухудшить положение.

Я вспомнила яркий свет под камнем.

— Почему он не заметил направление?

— Возможно, прибор был рассчитан на нынешнюю схему. Возможно, он получил неполные показания.

— Ты допускаешь, что Мальвер просто ошибся?

Каэл усмехнулся.

— Эйра, я не считаю его всеведущим чудовищем. Он умеет ошибаться, как любой человек. Беда в том, что признаёт это значительно реже остальных.

Я посмотрела на его руки.

Правая лежала на книге. Кожа у края оков выглядела немного лучше, чем вчера.

— Тебе стало хуже, когда началась авария?

Он понял вопрос сразу.

— Я чувствовал движение потока.

— Больно?

Каэл помолчал.

— Не так, как при узде.

— А как?

Он посмотрел на стену.

— Представь, что долго стоишь возле огромного колокола. Ты не слышишь каждого удара ушами, но тело всё равно ощущает вибрацию.

Я попыталась представить.

— И это происходит постоянно?

— В разной степени.

— Даже когда ты спишь?

— Иногда особенно тогда.

Я посмотрела на каменные стены камеры.

Двенадцать лет.

Не только цепи, но и непрерывное присутствие чего-то огромного, что невозможно заглушить.

— Сегодня я тоже почувствовала удар, — сказала я.

Каэл резко поднял голову.

— Когда?

— Когда открыли заслонку.

— Что именно?

Я описала ощущение сжатия под рёбрами, слабость и свет на руке.

Он выслушал очень внимательно.

— Долго продолжалось?

— Несколько мгновений.

— Потом?

— Слабость осталась. Сейчас почти прошла.

Каэл нахмурился.

— Не позволяй им уверять тебя, что подобное всегда безвредно.

— Мальвер сказал, что система привыкает к новому хранителю.

— Она не живое существо. Ей не к кому привыкать.

— Тогда почему моё состояние меняется?

— Потому что тебя подключили к уже работающей конструкции. Нагрузка распределяется иначе.

Он сделал паузу.

— И потому что эта конструкция не предназначалась для вечного использования.

Я посмотрела на него.

— Ты говорил, что помогал её создавать.

— Да.

— Значит, знаешь, как она должна была работать изначально?

Каэл перевёл взгляд на бумагу.

— Знаю часть.

— Тогда почему не рассказываешь всё сразу?

Он некоторое время молчал.

— Потому что я не видел изменений последних двенадцати лет. Если начну объяснять тебе устройство по памяти, ты можешь принять старую схему за действующую. Сегодня это едва не произошло с мастерами.

Я подумала об изменённом плане, который нашла в архиве.

— Значит, нам нужны чертежи.

— И возможность сравнить их с тем, что действительно находится в стенах.

— У меня есть доступ к архиву.

Он посмотрел на меня.

— Тогда, возможно, ты сможешь узнать больше, чем мне позволяли за последние двенадцать лет.

Впервые мы обсуждали совместную работу, а не немедленное освобождение или обещание, которое я не могла выполнить.

Но прежде чем я успела что-нибудь предложить, Каэл заговорил снова:

— Ты видела, что происходит с землёй после выброса.

— Да.

— И теперь боишься разрушить печать.

— Боюсь.

Он кивнул.

— Правильно.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Ты хочешь, чтобы я боялась?

— Хочу, чтобы ты понимала последствия. Страх иногда полезен, если не позволяет делать глупости.

— А если не даёт делать вообще ничего?

— Тогда становится удобным инструментом для тех, кто привык принимать решения за других.

Мы посмотрели друг на друга.

Я вспомнила Мальвера среди погибших яблонь.

Он показал мне настоящую опасность.

Но из этого не следовало, что все его решения были единственно возможными.

— Ты не хочешь, чтобы я просто сломала цепи, — сказала я.

— Хочу, чтобы ты понимала, что именно ломаешь.

— А если выяснится, что без твоего плена печать действительно не удержать?

Каэл долго смотрел на меня.

Потом медленно ответил:

— Тогда нам придётся искать то, чего здесь давно перестали искать.

— Что именно?

— Другой способ.

Он произнёс это спокойно, словно давно решил искать выход, который остальные больше не хотели замечать.

Я посмотрела на подаренную бумагу.

— В архиве есть старые планы. Некоторые повреждены, но я могу попробовать их восстановить.

Каэл слегка приподнял бровь.

— А ты умеешь?

— Я этим зарабатывала на жизнь.

— Значит, наконец-то в Нордвейре появился человек с полезной профессией.

— Здесь есть кузнец, плотник, повариха и десятки работников. Они тоже вполне полезны.

— Разумеется. Но никто из них до сих пор не предложил мне посмотреть старые чертежи.

Я улыбнулась.

— Тогда завтра начнём.

Он не ответил сразу.

Возможно, думал, стоит ли соглашаться. Возможно, просто не привык, что кто-то предлагает ему работать вместе, а не выполнять приказ.

— Эйра, — сказал он наконец, — я не могу обещать, что найденное тебе понравится.

— Мне уже не нравится большая часть того, что я узнала.

— Дальше может стать хуже.

— Это не повод оставаться в неведении.

Каэл посмотрел на меня долго и внимательно.

Затем кивнул.

— Хорошо. Принеси старые планы.

Я уже собиралась уходить, когда он добавил:

— И не бери с собой наследственный ключ.

— Он заперт в моей комнате.

— Пусть там и остаётся.

Я кивнула.

На лестнице меня снова настигла слабость.

Не резкая, как во время аварии. Просто неприятная тяжесть в ногах и лёгкая дрожь в пальцах.

Я остановилась, держась за перила.

На ладони едва заметно светилась отметина.

До большого прилива оставалось двадцать два дня.

Впереди оставалось время.

Но теперь я знала, что даже небольшое повреждение печати могло передать мне часть нагрузки, о которой никто не предупреждал при получении наследства.

И всё же самым страшным открытием последних двух дней была не сила Разлома.

Я увидела, что опасность настоящая.

Что люди действительно могут погибнуть.

Что защиту нельзя разрушить по одному только желанию освободить пленника.

Но я всё ещё не получила ответа на другой вопрос.

Если ради безопасности тысяч людей двенадцать лет держали Каэла в цепях, почему никто не пытался найти способ, при котором эти цепи больше не понадобятся?

Я вернулась в архив.

На столе лежал старый план Нордвейра.

Ещё недавно он казался очередной хозяйственной загадкой — ветхой схемой, необходимой для ремонта стен.

Теперь я смотрела на него иначе.

Не как на карту собственного имущества.

Как на возможное объяснение того, почему один человек провёл двенадцать лет в темнице, а три женщины из моей семьи по очереди исчезали из жизни замка.

Я зажгла лампу, разложила чистые листы и осторожно раскрыла старый чертёж.

Работать предстояло долго.

И впервые с момента приезда я знала, с чего начать.

Глава 6. Договор без покорности

Утром седьмого дня я обнаружила, что в Нордвейре можно потерять целую ночь и почти ничего не узнать.

На столе лежали четыре развёрнутых чертежа, два хозяйственных журнала и листы с моими заметками. Свеча догорела до медного подсвечника. За окном светало, а я всё ещё пыталась понять, почему на старом плане замка было больше подземных ходов, чем на современном.

Самой неприятной находкой оказались не исчезнувшие помещения.

Под ними я обнаружила шесть одинаковых обозначений.

Три располагались к северу от центральной шахты, ещё три — к югу. На первом чертеже их соединяли тонкие линии, похожие на ветви дерева. На втором те же места были отмечены уже иначе: широкими чёрными полосами, которые обрывались возле границы владения.

Я не знала, что означали знаки.

Они не были похожи ни на обычные водоотводы, ни на обозначения рудных штолен. Возле каждого стоял маленький символ, наполовину стёртый временем.

На полях старого чертежа сохранилась запись на языке, которым я не владела.

Буквы были угловатыми, с короткими вертикальными насечками. Некоторые словно переходили одна в другую, и без специальных знаний я не могла даже уверенно определить, где заканчивалось слово.

Зато рядом находилась более поздняя приписка на человеческом языке:

«Первоначальная распределительная система. Шесть направлений. Совместное обслуживание».

Я перечитала её несколько раз.

Совместное с кем?

Соседние долины находились под властью короны. Но часть линий уходила за границу, в сторону Нижних городов.

Дроу.

Я медленно опустилась на стул.

Всё это могло оказаться обычной старой схемой, которую давно заменили по техническим причинам. Но после разговора с Каэлом мне хотелось выяснить, не скрывалось ли за аккуратными чёрными линиями что-то более существенное.

— Госпожа, вы собираетесь сегодня завтракать?

Я подняла голову.

В дверях стояла Нина с подносом.

Она посмотрела на бумаги, потом на потухшую свечу.

— Вы хоть спали?

— Недолго.

— Марта велела передать, что, если вы снова проведёте ночь над книгами, она поставит в архиве кровать.

— Это угроза?

— Думаю, да.

Нина поставила поднос на свободный край стола. На нём стояли миска овсяной каши, чайник и две лепёшки.

— Я принесла горячее. Только уберите бумагу, а то опять остынет.

— Опять?

— Вчера вы тоже почти ничего не съели.

Я отложила перо.

— Спасибо, Нина.

Она начала собирать пустые чашки.

— Кстати, сегодня выплатят часть жалованья. Марта уже велела приготовить ведомость.

— Хорошо.

— Люди рады.

Я посмотрела на неё.

— Это их заработанные деньги.

— Знаю. Но раньше их приходилось ждать месяцами.

Мне стало неловко.

Я получила замок меньше недели назад и уже успела несколько раз мысленно пожалеть о том, сколько он стоил. А эти люди годами работали, не зная, получают ли вовремя жалованье.

— Нина, — сказала я, — когда закончите с ведомостями, передай Марте, что я хочу увидеть расчёт ремонта Верхнего моста.

— Того, где телеги застревают?

— Да.

— Там опять кто-то сломал ось?

— Пока нет. Хотелось бы не ждать.

Нина улыбнулась.

Когда она ушла, я заставила себя съесть кашу.

Она успела немного остыть, зато оказалась вкусной. Сладковатой, с кусочками сушёных яблок.

Я ела и рассматривала старую схему.

Две вещи постепенно становились очевидными.

Во-первых, первоначальное устройство под замком было значительно сложнее нынешних описаний.

Во-вторых, кто-то очень старательно следил за тем, чтобы в современных документах оставалось как можно меньше сведений о старой системе.

На одном из чертежей часть линий просто закрасили.

На другом поверх первоначального рисунка наклеили полоску новой бумаги.

Третий содержал только центральную печать и не упоминал никаких боковых направлений.

Я не знала, были ли изменения обоснованными.

Но не собиралась принимать их на веру.

После завтрака я сложила самые важные листы отдельно и занялась копией.

Оригиналы нельзя было таскать по замку. Некоторые сгибы уже начали расходиться, а старые чернила осыпались от слишком резких движений.

Я взяла тонкую прозрачную бумагу, закрепила её поверх наиболее сохранившегося чертежа и осторожно перенесла основные линии.

Работа требовала терпения.

Если слишком сильно нажать пером, можно повредить исходный лист. Если провести линию неуверенно, будущий читатель примет собственную ошибку копировщика за часть настоящего плана.

Отец всегда говорил, что хороший мастер не должен улучшать подлинник по своему вкусу.

Поэтому я оставляла пустыми места, где обозначения были неразборчивыми, и отмечала повреждения отдельно.

К полудню у меня получились две копии.

Одну я собиралась показать Каэлу.

Другую — Матвею и Гаррету.

Мне нужно было сопоставить память человека, участвовавшего в создании печати, со знаниями мастеров, которые обслуживали замок сейчас.

Правда, для начала предстояло убедить капитана, что заключённому можно показывать старые чертежи.

Тарра я нашла во дворе.

Он разговаривал с караульным возле открытых ворот. Когда я подошла, капитан закончил распоряжение и повернулся ко мне.

— Госпожа Вальд.

— Мне нужно разрешение передать Каэлу несколько чертежей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.